

Искорка

№ 12

№ 12

Декабрь 1962 г.

Искорка

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Ленинградского Совета пионерской
организации имени В. И. Ленина

К сорокалетию образования Союза
Советских Социалистических Республик

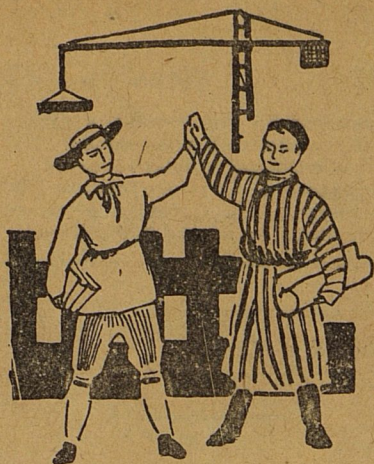
*

ТОВАРИЩ

Кто твой товарищ?
Вот он, рядом —
в одном звене,
в одном отряде,
везде,
повсюду
и всегда
товарищ твой с тобою.
И вдвое меньше с ним
беда,
а радость —
больше вдвое.
Товарищ!
Слово веское
и гордое,
как знамя.
Оно в стране советской
дороже многих званий.

А есть такие страны,
и ближние,
и дальние,
где люди,
как ни странно,
зовутся господами.
На фермах,
в сёлах,
в городах
все — господа,
все — господа.
Капиталисты — господа
и господа — рабочие.
Одни
богаты без труда,
ничем не озабочены.
Другие
спину гнут всегда
за жалкие гроши.
Какие ж это «господа»?
Им бы иначе жить.

Для них прекрасный есть
пример;

твоя страна — СССР,

твоя страна,
где нет господ
и нет возврата им,
где каждый каждого зовёт
товарищем своим.

Рабочий
и учёный,
колхозник и министр
своим трудом почётен,
делами именит.
Не пушками,
не золотом
горда твоя страна.
Товариществом
Молота
с Серпом
она сильна.

Г. ПЕТРОВ

Сквозь битвы
и пожараща,
сквозь
голод,
смерть
и дым
прошёл Союз Товарищей,
никем непобедим.

Нас —

двести миллионов.
По ленинским заветам,
товарищи сплочённые,
живём в стране Советов.
Все сорок лет

в разгаре
дела СССР.
Здесь каждый —
твой товарищ,
товарищ пионер!

Рисунки П. Вискова

*Л. Видгон, Я. Сухотин**Рисунки Ю. Лобачёва*

Два настоящих человека

Проспект имени Карла Маркса. Проспект имени Фридриха Энгельса... Эти названия привычны не только для тех, кто живёт в Ленинграде. Их можно видеть на конвертах писем, адресованных в Москву и Прагу, в Тбилиси, в Пекин.

Карл Маркс и его друг Фридрих Энгельс были первыми коммунистами.

В старом Петербурге в тайной полиции было даже заведено специальное дело о Карле Марксе: царские жандармы боялись, не приехал бы он в Россию!..

И сейчас власти в капиталистических странах бросают в тюремные застенки тех, кто считает себя учениками Маркса. В Западной Германии никого не удивило, когда девочка Анна Шульц из гимназии в городе Трире получила недавно за своё сочинение по истории самую низкую отметку. И произошло это только потому, что Анна написала добрые слова о великом земляке Карле Марксе.

Карл Маркс родился в Трире в 1818 году. Здесь он закончил гимназию. Кем он мечтал стать? Юристом, чтобы защищать несправедливо

обиженных; поэтом, чтобы своими стихами и песнями звать людей на благородные дела.

В те же годы недалеко от Трира (вниз по Рейну) жил юноша Фридрих Энгельс. Он был младше Карла Маркса на два года. Фридрих мечтал стать поэтом, писал стихи, однако его отец — хозяин текстильной фабрики — строго наказывал сына, когда приходил у него не «божественные» книги, а романы о рыцарях, о героях...

Фридрих стремился поступить в университет, но ему не дали закончить даже последний класс гимназии и поставили приказчиком за конторку.

Одна одинаковая мечта была у двух юношей. К одной общей цели шли они. И, встретившись в 1844 году, бок о бок вступили они в бой со старым миром; рядом, никогда не расставаясь, пошли на битву за освобождение рабочего класса, за счастье трудового народа на земле.

Ценой огромных трудов Марксу и Энгельсу удалось организовать международное товарищество рабочих — Первый Интернационал.

Гениальные вожди пролетариата были простыми и скромными людьми, и в то же время это были настоящие рыцари без страха и упрёка.

В сентябре 1960 года Центральный партийный архив Института марксизма - ленинизма при ЦК КПСС получил ценные материалы. Москву посетил правнук Маркса — Марсель Лонге. Он передал Институту хранившиеся у него некоторые бумаги Маркса и его семьи. Среди них был небольшой альбом в твёрдом картонном переплёте со ста пятью листами плотной голубоватой бумаги. Третий альбома —

своеобразные анкеты, так называемые «исповеди», или «признания». Это были ответы опрашиваемых лиц на вопросы об их взглядах и вкусах.

Представим себе то утро воскресного дня, когда Маркс из-за плохой погоды не пошёл на прогулку со своими детьми.

Дочери Лаура и Женни входят к отцу в комнату.

— Ты должен исповедоваться!

Еле сдерживая смех, девочки торжественно кладут перед Марксом книгу в переплёте с чистыми листами. Мать искоса бросает взгляд на первую страницу. Она и в самом деле уже исписана вопросами. Это настоящая анкета о человеке — о его вкусах, характере, взглядах.

Интересно, если бы здесь был Энгельс, как бы он стал отвечать?

Вот вопрос: «Ваше представление о несчастье?» Лукаво взглянув на дочерей, Маркс записывает ответ: «Подчинение».

«Недостаток, который внушает вам наибольшее отвращение?»

«Угодничество», — пишет Маркс.

«Достоинство, которое вы больше всего цените в мужчине, в женщине?» «Ваша отличительная черта?»

...Так, так. А ведь на все эти вопросы Энгельс ответил бы, пожалуй, то же самое.

Что они оба ценят в мужчине? Конечно, силу. Какой

же это мужчина, если у него слабые руки, узкие плечи, если он не готов вынести те физические тяготы, которые могут выпасть на долю каждого революционера! Конечно, Карл не поощряет страстного увлечения Фридриха конной охотой, и всё-таки это настоящий мужской спорт... Однажды в Манчестере Энгельс дал ему несколько уроков верховой езды, не только заставив примириться с его увлечением, но и «заразив» самого Маркса.

Что это за мужчина, если у него не хватит силы заступиться за женщину! Конечно, для этого нужна не только сила, но и решительность. И, главное, — нетерпимость к любой несправедливости, к оскорблению слабого сильным.

Маркс умеет держать себя в обществе. Всегда предупредительный, он поддерживает оживлённый разговор, он внимательный и уважительный собеседник. Женни всегда восхищается его умением обходиться с людьми. И вместе с тем именно она знает, каких усилий стоит ему сдерживаться иной раз, когда он попадает в круг чуждых ему людей. И ничто не может остановить его, если он сталкивается с фактами, противными его убеждениям.

...Омнибус, покачиваясь едет по улицам Лондона. На одной из улиц, где остановился экипаж, шумела толпа. Слышен был крик женщины.

Кое-кто из пассажиров высунулся в окна посмотреть, что происходит, остальные не повернули и головы: мало ли женщин кричит в Лондоне? Придёт полисмен и разберётся...

И только один из пассажиров, сидевших на верхней открытой площадке омнибуса, едва услышав крик, ринулся к лестнице, в одно мгновение очутился в толпе и отбросил в сторону здорового пьяного детину, избивавшего женщину.

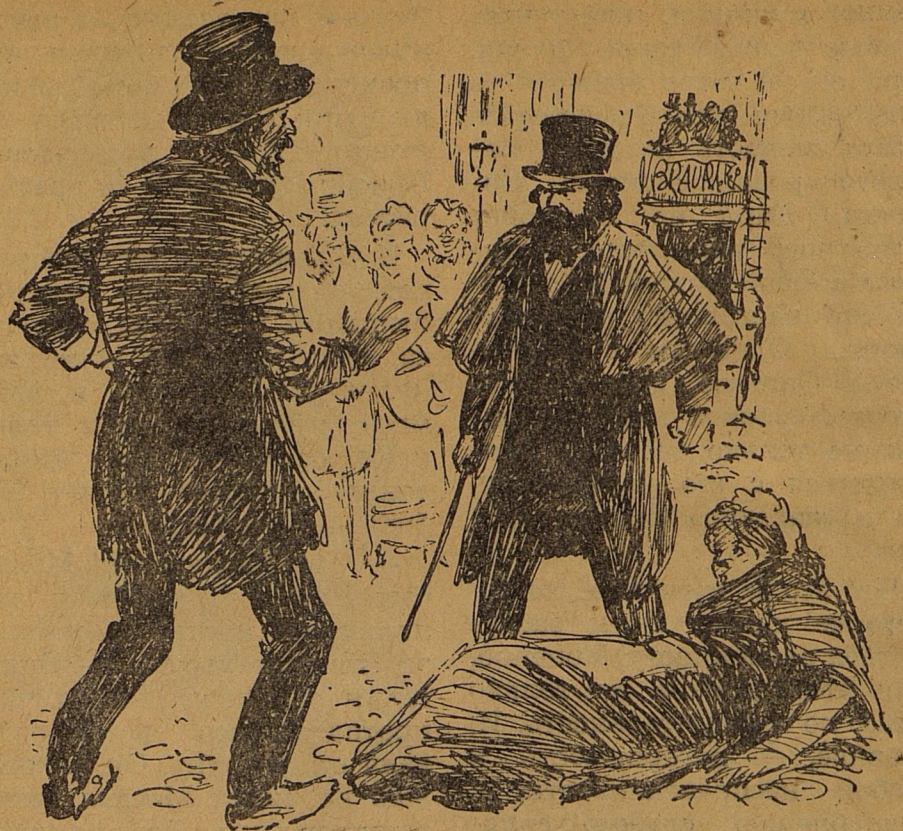
— Что вы делаете? Может быть, это его жена, и вас привлекут к ответственности за вмешательство! — Вильгельм Либкнехт, с трудом протолкавшись к Марксу, взял его за руку. Он никогда ещё не видел Маркса таким разгневанным. Его не испугали гнусные законы буржуа, защищавшие право «главы» семьи «учить» жену.

А Энгельс... Маркс хорошо запомнил рассказ Теодора Куно о том, как однажды Энгельс спас его от верной смерти во время купанья. Энгельс охватил Куно одной рукой и долго плыл с ним к берегу, не отпуская, хотя рука и ноги его от усталости отказывались слушаться.

Но надо отвечать кратко, таковы условия.

«Любимое занятие?» — «Копаться в книгах».

«Ваши любимые поэты?» Маркс записывает их имена: Шекспир, Эсхил, Гёте. Это гении, перед которыми чело-

вечество всегда будет преклоняться.

Невольно тотчас же приходят на память многие чудесные строки Шекспира. Маркс мог бы читать их наизусть. Сколько раз, возвращаясь с воскресных прогулок, Маркс и Женни, чтобы скоротать время в пути, читали поочередно спутникам великолепные по мысли, юмору, музыкальности куски из произведений великого английского драматурга. Любовь к поэту побуждает Маркса не раз говорить о нём в своих статьях.

А разве не сходятся Энгельс с Марксом в отношении к Эсхилу — поэту, который в легенде о Прометее увидел и

воплотил образ борца, обречшего себя во имя блага человечества на неслыханные муки?

Разве не близок им обоим этот образ, как и образ героического вождя восставших рабов Рима — Спартака? И мужественного немецкого учёного Кеплера: никакие соблазны, угрозы власть имущих не могли заставить его отказаться от стремления открыть законы мироздания. Он умер бедняком, но не согласился на сделку со своей совестью.

И на вопрос: «Ваш любимый герой?» появляется ответ: «Спартак, Кеплер».

Это были стойкие люди.

Немногие видят счастье жизни в том, в чём нашли его они.

...Счастье! Вот и здесь есть вопрос о нём: «Ваше представление о счастье?» Что может больше связать людей, чем общее представление о счастье? И смысл его Маркс за себя и за Энгельса определяет в анкете одним словом: «Борьба».

Борьба...

Припомнился Кёльн, редакция «Новой Рейнской». Он был тогда, пожалуй, лишь чуть постарше, чем девочки сейчас. Там, в Кёльне, впервые столкнулся он с нищетой и бесправием крестьян-тружеников. И тогда же решил стать на их сторону — начал писать об этом в газету.

Он вспоминает прожитое. Знал он и горькие минуты и тоску. Но если бы мог начать жизнь сызнова, в чём бы искал своё счастье? Стал бы благонамеренным журналистом, взошел на профессорскую кафедру?.. А вечером в кругу избранных друзей философствовал бы о бедах народа? Сколько таких людей довелось ему встретить в жизни!

Глаза его потемнели, стали суровыми: как могли эти люди не замечать нищеты миллионов, беспросветную, скотскую жизнь, на которую обрекли их законы буржуа! Он презирал бы себя, если бы остался лишь учёным толкователем человеческих несчастий.

Все эти годы, что бы он ни

делал, борьба за лучшее, справедливое будущее человечества заполняла его жизнь, делала её осмысленной. И он был по-настоящему счастлив. Иначе вряд ли он согласился бы перенести все те тяготы и лишения, которые несла ему деятельность революционера.

Как всегда, Маркс увлёкся. Он забыл, что всего лишь участвует в игре. Почувствовав это, притихли и девушки. Лаура и Женни привыкли видеть отца ласковым, весёлым. В их памяти отец и мать навсегда останутся юношески влюблёнными друг в друга, жизнерадостными людьми, не теряющими чувства юмора в самые трудные минуты. Но Лаура и Женни знают, как тяжёл жизненный путь, который добровольно избрали их родители.

Игра продолжалась. На вопрос: «Ваша отличительная черта?» Маркс отвечает: «Единство цели».

В самом деле, сколько лет прошло с тех пор, как они с Энгельсом встретились в Париже? Больше двадцати. Со всем юными вступили они тогда в борьбу. А цель жизни уже избрана бесповоротно.

Нелёгкими были их поиски своего пути в этой борьбе. Сколько событий им довелось пережить — революции, восстания, войны, интриги врагов, победы и поражения, радость и горе в личной жизни... Но в одном Маркс убеждён: не только дочери, но и

те, кто родится в уже свободном от угнетения мире, те, ради кого они ведут эту трудную борьбу, никогда не скажут, что хоть один поступок его и Энгельса противоречил избранной цели.

Рука Маркса ласково ложится на маленькую ладонь дочери. Возможно, и его девочки могли бы жить в гораздо лучших условиях, согласись Маркс хоть немножко согнуть спину перед толстошумами, уступить им...

Следующий вопрос: «Достоинство, которое вы больше всего цените в людях?»

Да, то же, что и в друге, — простоту! Не панибратство, не фамильярность, а то равенство в отношениях с товарищами, которое могут проявить лишь люди, готовые на благородный поступок, чуждые корысти и расчёта.

...Где-то хлопнула дверь. Маркс провёл рукой по глазам.

— Папа, может, зажечь тебе свет?

— У тебя устали глаза.

На лицах дочерей — искреннее участие и любовь, любовь к отцу-другу. Как много в них от любимой жены во внешности, в характере!

Свет? Конечно, пусть будет светло, потому что сейчас он ответит на вопрос, который ему нравится больше всех: «Ваше любимое имя?»

У него их два. Под счастливым смехом девушек он записывает: «Лаура, Женни».

Таковыми были эти два настоящих человека. Никогда не изменяли они избранной цели. Всё, что делали, о чём мечтали, к чему стремились, было подчинено борьбе за освобождение пролетариата и всех трудящихся. Эту борьбу Маркс вёл до последнего биения сердца.

После смерти Маркса (в 1883 году) Энгельс двенадцать лет стоял во главе международного пролетарского движения. Его огромная работа над изданием второго и третьего томов «Капитала», которые Маркс не успел подготовить к печати, и собственными теоретическими произведениями сочеталась с колоссальной повседневной помощью, которую он оказывал руководителям социалистических партий всех стран.

Как и Маркс, Энгельс много думал о революционном движении в России. «Лава потечёт с Востока», — писал он, веря в то, что именно в России начнётся революция, в пожаре которой сгорит старый мир рабства и эксплуатации. Энгельс верил в силы русского пролетариата и

предрекал ему великое будущее. Он встречался с деятелями русского революционного движения, интересовался развитием марксизма в России, радовался успехам русских революционеров.

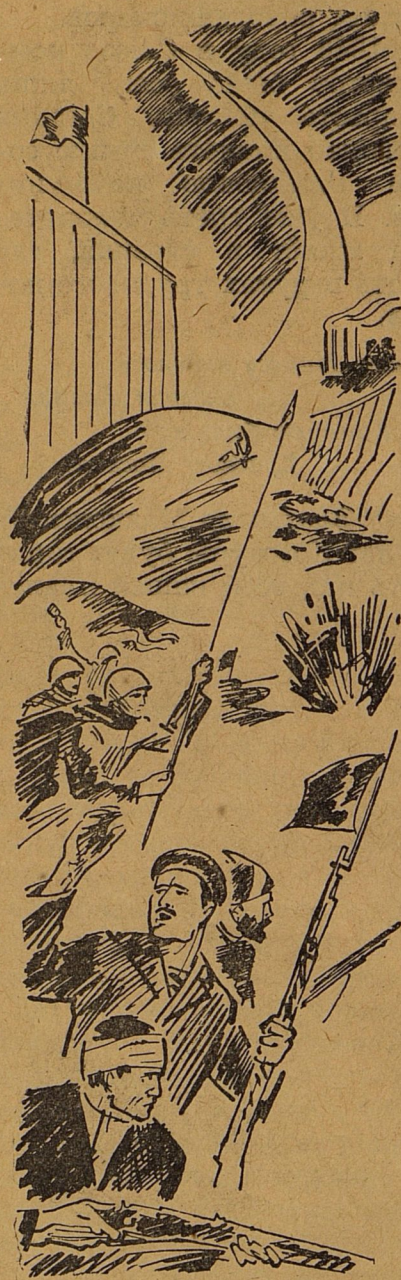
В 1848 году в Союзе коммунистов было всего лишь четыреста человек. Сегодня на нашей планете свыше сорока миллионов коммунистов. И уже треть человечества живёт в странах, где власть в руках трудового народа.

*Знаю, Марксу виделось
видение Кремля
И Коммуны флаг над
Красною Москвой, —*

писал Владимир Маяковский.

Флаг Коммуны будет гордо
реять над всей нашей планетой!

Наш флаг

В космических даях,
 В тайге,
 На горах,
 В долинах,
 В пустынях,
 В морях,
 Во льдах Антарктиды
 И в северных льдах, —
 Он всюду,
 Наш огненный флаг!
 Его красота —
 Его простота.
 Он прост и велик,
 Как рассвет.
 Этапы истории
 Жадно впитал
 Его обжигающий цвет.
 Когда у рабочих,
 Солдат
 И крестьян
 Ком гнева
 В груди накопал,
 Флаг отсветом залпов
 И жаром атак
 И пролитой кровью
 Пылал.
 Его убивали,
 А он оживал.
 И снова
 В атаки водил!
 Он зори
 И ясное солнце впитал,
 Когда капитал сокрушил.
 Он —
 Алая память
 О трудном пути.
 Он —
 Жар
 наших мирных атак.
 Он —
 Свет всему свету! —
 Так ярче светит,
 Правдивый
 Пылающий флаг!

Наш герб

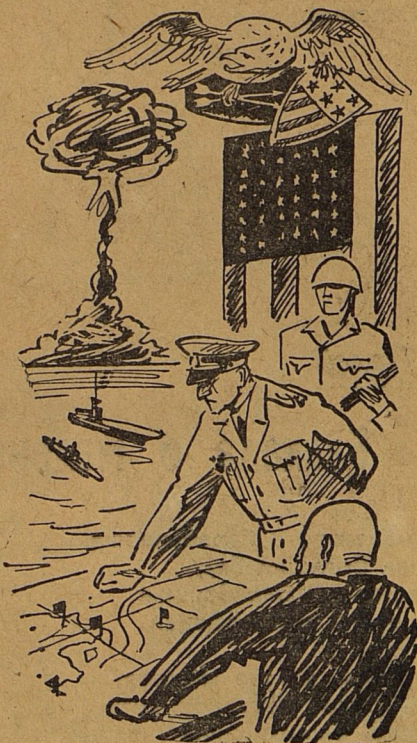
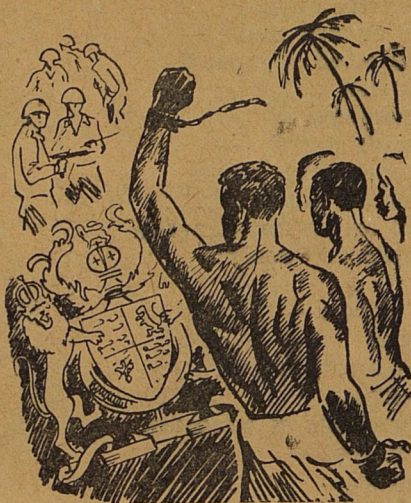
Вначале
расскажем
в немногих словах
о льве
и орле
на заморских гербах.

Лев Англии
славу владыки
стяжал:
он
три континента
под лапой
держал.

Народы колоний
сказали:
«Долой!» —
Лев
когти разжал
и... убрался домой.

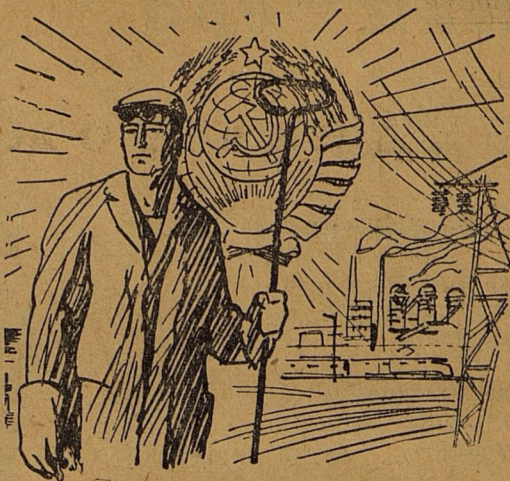
Орёл —
герб Америки.
Хищен.
Жесток.
На север,
на запад,
на юг,
на восток —
на вольные страны
любой стороны —
нацелил он когти
и стрелы войны.

А вот —
герб Советов!
Смотри, кто не слеп,
чем славен
и красен
советский наш герб!
Земля —
голубая планета —
на нём,
где все мы родились
и рядом живём!
Встающего солнца
пылающий шар,
Лаская лучами,
ей дарит свой жар.
Над ней —
путеводная
наша звезда!
На ней —

серп и молот,
эмблема труда!
Тут золото наше —
Наш хлеб трудовой!
Кодосья
Украшены
лентой витой, —
с полотнища алого
вольный народ
всех стран пролетариев
к братству зовёт!

За морем —
зверьё
с золотого герба
кичится
богатством и властью.
Наш герб —
символ
Мира!
Свободы!
Труда!
Равенства!
Братства!
Счастья!

Л. Палей

Баллада о маленьком барабанщике

У маленького барабанщика
были большие беды.
Маленький барабанщик
не очень часто обедает.

Впрочем, не это главное.
Не в этом, наверное, суть.
Дробь барабанщика гневная
жирных тревожила слух.

У маленького барабанщика
сердце сжималось больно:
Отец на земле батрачил, —
Умер — батрачит у бога.

Но каким бы ни было горе, —
барабанщику надо идти.
Барабанщик обязан быть гордым,
обязан быть сильным в пути!

...Годы. Они разойдутся
кругами по воде.
Барабанщики революции,
кто вы сегодня и где?!

Я верю — вы были раньше
Я верю — вы есть сейчас!
Революции барабанщики,
каждый час — это ваш час!

День рождения

Дождик шёл и шёл. Он уже давно надоел, а всё-таки шёл.

Люда рисовала. Сначала она хотела нарисовать собачку, но собачка не получалась. Тогда Люда пририсовала ей крылышки. Получилась бабочка. Люда хотела ещё нарисовать сад с травой и деревьями, но тут пришла мама и сказала:

— Люда, к тебе мальчик в гости!

Оказывается, это был Федька.

— Знаешь что, — сказал Федька, — я пришел к тебе на день рождения.

— А у меня никакого дня рождения нет. Мой день рождения уже был.

— Жаль, а я подарок принёс. — И Федька вынул бол-
шущие карманные часы на це-
почке. Часы были без стекла и
без стрелок. И всё-таки это

были красивые часы. Как раз для подарка!

— Пойдем к Рите, — предложила Люда. — Может быть, сегодня день рождения у Риты?

Люда решила подарить Рите серебряные бумажки от конфет. Бумажек было много. Люда разгладила их гладко.

Но Рита сказала, что никакого дня рождения у неё нет, что такие подарки ей не нужны и что она сию минуту уходит с мамой в гости.

Тогда Люда и Федька пошли к Валерику.

— Давайте меняться! — сказал Валерик.

В обмен на часы он предложил железный обруч и три гильзы. Но Федька не согласился.

Пошли к маленькой Нинке. Нинки дома не оказалось.

Через двор шла Тамара.

— Тамара! — крикнула Люда. — У тебя сегодня случайно не день рождения?

— А что?

— А мы с Федькой на день рождения собрались. У нас подарки есть!

— М-м-м, — сказала Тамара. — А какие подарки?

— Вот, вот и вот...

— А идут часы?

— Нет, не идут. Зато серебряные. На компас похожи. Их починить можно.

— Что ж, — сказала Тамара, — пошли!

Дверь открыла Тамарина мама.

— Картошку купила?

— Я не успела, мамочка!

— Не успела! Возьми сетку и марш за картошкой. Еще с компанией явилась.

— Мы к Тамаре на день рождения, — сказала Люда.

— У неё рождение будущим летом будет. Марш отсюда!

Во двор выбежал Валерик. Он предложил Федьке за часы почти настоящий револьвер и старые ходики. Федька даже не посмотрел.

Тогда Валерка закричал:

— С девчонкой связался! Баба!

— А тебе какое дело?

— Меняться давай! Будешь меняться?

— Не буду.

— Будешь!

— Не буду!

Тогда Валерик ударил Федьку. А Федька дал сдачи.

— Будешь меняться?

— Не буду.

— Будешь!

— Не буду!

А Люда как дёрнет Валерку за ногу. Валерка упал.

— Это нечестный прием! — закричал он. А потом заревел и убежал домой.

И тогда Федька сказал:

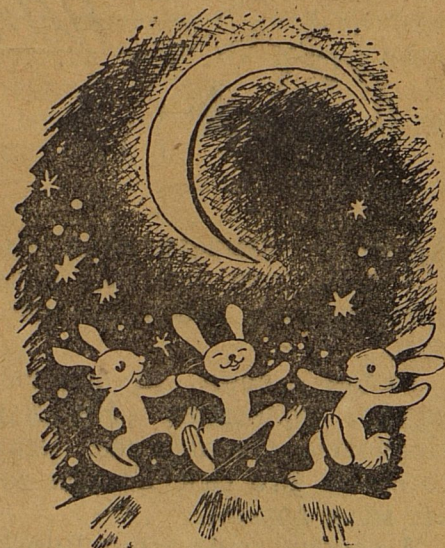
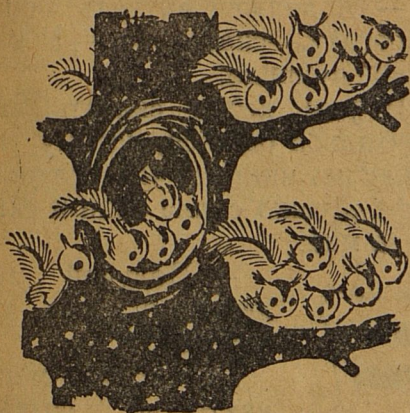
— На, возьми, Люда! — и протянул ей часы, похожие на компас.

— Но у меня ведь сегодня не день рождения?!

— Ну и что ж. Всё равно я хочу подарить.

ЛЕСНАЯ СЧИТАЛКА

Каждый хруст и каждый шорох
На версту вокруг слышны.
Сосен сто и ёлок сорок
Крепко спят и видят сны.
Дремлют сосны в шапках белых.
Кто ж там скачет в вышине?
Сосчитай-ка, сколько белок,
Сколько белок на сосне.
Белки день проводят в ссорах
Из-за шишек и грибов.
Сколько белок, у которых
Нету личных погребов?

Сосны спят, и дремлют ёлки.
Если ты не веришь мне, —
Сосчитай-ка все иголки,
Все иголки на сосне...

Белкам нужно шишки взвесить,
Чтоб хватило до весны.
Раз, два, три, четыре... Десять...
Сколько шишек у сосны?
Могут зайцы показаться
Под сосною в тишине.
Сосчитайте, сколько зайцев
Здесь плясало при луне?
Белка знала, да смолчала.
Ты готов?

И я готов.

Где конец и где начало
Этих спутанных следов?
Если глубже разобраться —
Арифметика проста:
Мама,

папа,

десять братьев

И сестрёнка без хвоста...

Как меня называют

МАМА называет меня сыном, тетя называет меня племянником, бабушка — внуком.

Рядом с нами, за стенкой, живёт полковник Николай Иванович. Он называет меня соседом. Его сын Володя зовёт меня другом.

А вообще меня зовут Витей.

Когда я был маленький, я никак не мог понять, почему одного человека все зовут по-разному.

Сын, племянник, внук, сосед, друг и, наконец, просто Витя — разве столь-

ких имён не достаточно для одного человека?

Но меня продолжали называть всё по-новому и по-новому. Вероятно, незнакомые люди не знали, что меня зовут Витей, и каждый из них называл меня по-своему. Из-за этого со мной случались истории, которые я помню до сих пор.

ОДНАЖДЫ в коридоре раздался длинный оглушительный звонок, и на пороге появился почтальон. Он держал в руке телеграмму и,

видно, торопился, потому что в сумке у него было ещё много телеграмм.

Бабушка хотела принять у почтальона телеграмму. Но он покачал головой:

— Я должен вручить лично адресату, — сказал он. — У нас такое правило.

Я уже хотел сказать, что почтальон ошибся, потому что у нас нет никаких «адресатов». Но бабушка сняла очки и сказала мне:

— Получай телеграмму, раз ты адресат.

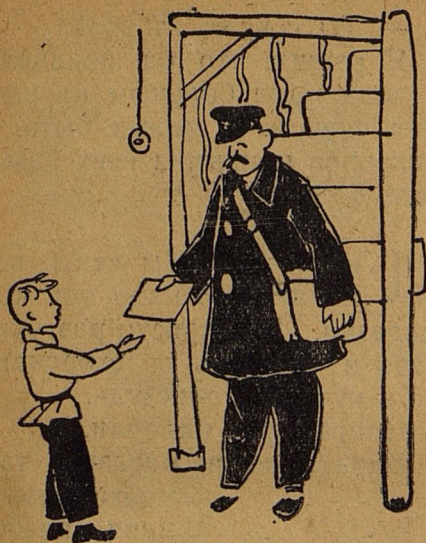
До сих пор меня никто не называл «адресатом», поэтому я неуверенно протянул руку. Почтальон дал мне листок плотной бумаги, сложенный вчетверо. Телеграмма была от папы. Он прислал её мне. А тот, кому присылают письма и телеграммы, сразу становится адресатом.

Мне понравилось незнакомое слово «адресат». И я решил, что теперь меня всегда будут называть «адресатом». Но бабушка сказала:

— Идем, внучек, читать телеграмму.

Я снова стал внуком.

ВПАРИКМАХЕРСКОЙ вкусно пахнет одеколоном и все стены увешены зеркалами. Идёшь по залу, и вместе с тобой шагают ещё десять мальчиков, таких, как ты. Сделаешь шаг — все десять шагают. Поднимешь руку — сразу поднимается десять рук.

В парикмахерской меня посадили на большой мягкий стул с блестящими ручками и завернули в белую простыню. Парикмахер взял в руки машинку и начал меня стричь. Машинка застрекотала над самым ухом, и я стал вертеться на стуле и поёживаться. Тогда парикмахер сказал:

— Какой беспокойный клиент.

Я решил, что «клиентом» называется подстригательная машина, потому что она действительно беспокоила меня. Я про себя согласился с парикмахером, что клиент беспокойный. И стал ещё больше вертеться. Но тут парикмахер сердито сказал:

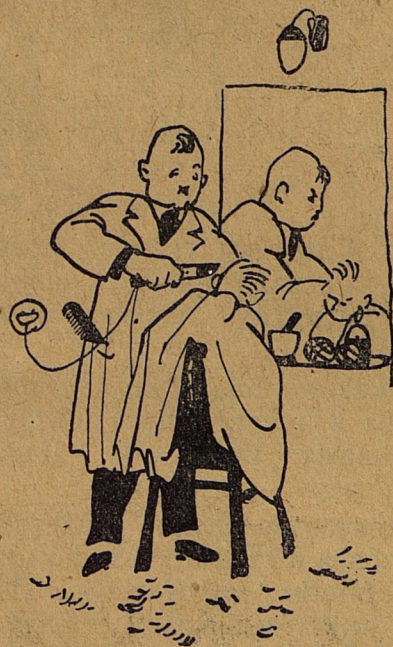
— Клиент, сиди смирно!

Оказывается, клиентом он называл не машинку, а меня. Я перестал ёрзать. Мне захотелось поскорее перестать быть клиентом. Я сообразил, что клиенты — это все нестриженные, и, чтобы перестать быть клиентом, надо быстрее подстричься. Я стал сидеть смирно и даже старался не дышать, чтобы не мешать парикмахеру.

Когда на моей голове почти не осталось волос, парикмахер распеленал меня и сказал:

— Вот теперь совсем другое дело.

Больше он не называл меня клиентом: я был подстрижен.

МЫ с мамой пошли в поликлинику «проверять легкие». Мама усадила меня на белый жёсткий диван и сказала:

— Сиди смирно и жди, когда тебя вызовет доктор.

Я сидел и ждал. В поликлинике пахло лекарством и все ходили в белых халатах, как в булочной.

Вдруг дверь отворилась, и доктор сказал:

— Больной, проходите.

Я решил, что доктор зовёт другого мальчика, у которого болит ухо, или живот, или рука. Я продолжал сидеть на месте. Тогда доктор сказал:

— Больной, ты что, плохо слышишь?

Я слышу очень даже хорошо, только какой же я больной, если у меня ничего не болит! Я сказал:

— Я здоровый.

— А это мы сейчас проверим, — сказал доктор и широко распахнул передо мной дверь.

Оказывается, всех, кто приходит в поликлинику, доктора называют больными. Даже здоровых.

Доктор велел мне раздеться до пояса и стал стучать по мне блестящим молоточком. Потом велел дышать. Я стал дышать громко и часто, как паровоз, а доктор слушал меня в холодную трубочку.

Когда мы уходили от врача, никто уже не называл меня больным. Даже доктор сказал:

— Ты совсем здоров!

Я решил, что он поначалу назвал меня больным на всякий случай. А может быть, у докторов привычка всех называть больными?

ДЛЯ того чтобы стать покупателем, надо пойти в магазин. И не просто разгуливать и смотреть по сторонам, но и купить что-нибудь.

Например — барабан.

Барабанов в магазине так много, что у меня разбежались глаза. Я не знал, какой мне выбрать. Тогда продавщица положила на прилавок пять звонких краснобоких барабанов и сказала:

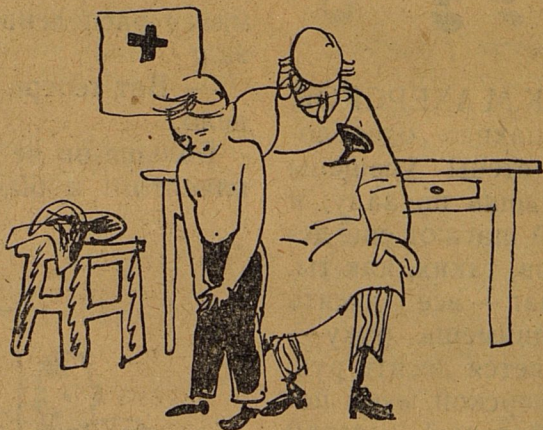
— Пусть покупатель сам выбирает.

Я стал ждать, когда придёт покупатель, который умеет выбирать барабаны. Но никто не шёл, а мама сказала:

— Ну, выбирай!

Я нерешительно протянул руку к барабану. Я взял первый попавшийся, но он всё равно казался мне самым лучшим. Продавщица завернула барабан в бумагу. Но как только мы вышли на улицу, я проделал в бумаге дырочку и всю дорогу стучал в барабан пальцами.

Мне очень понравилось быть покупателем.

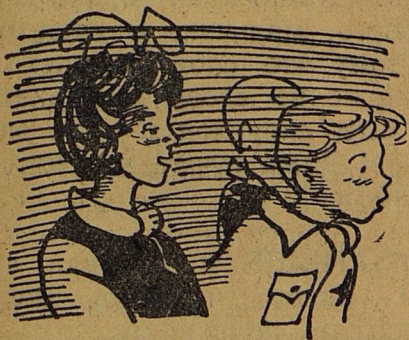

В КУКОЛЬНОМ театре куклы не только закрывают глаза и скрипучим голосом говорят «мама». Здесь куклы бегают, прыгают, размахивают руками и говорят человеческим голосом. Даже куклы-собаки не только лают, но и спрашивают: «Как выживаете?»

В кукольном театре все артисты — куклы. И рядом с такими артистами любой, даже маленький мальчишка чувствует себя великаном.

В театре всех, кроме кукол, называют зрителями.

Когда говорят: «Здравствуйте, дорогие зрители!» — все ребята кричат: «Здравствуйте!»

Когда говорят: «Дорогие зрители, сидите тихо», все на минутку закрывают рты и перестают звенеть номерками.

Никто не предупреждал ребят, что они зрители. Все сами догадались. И я — тоже.

У АВТОБУСА на колёса надеты большие круглые галоши — шины. На шинах рубчики, чтобы автобус не поскользнулся. А двери автобуса открываются сами: складываются гармошкой. Как только в автобус по двум высоким ступенькам попадает человек, он сразу превращается в пассажира.

— Товарищ пассажир, проходите!

— Пассажиры, приобретайте билетки!

Пассажирами в автобусе называют и бабушек, и военных, и школьников. Все пассажиры. Кроме меня! Потому что мама и в автобусе продолжала называть меня сынком.

И вдруг какой-то густой голос строго произнёс:

— А где ваш билетик, товарищ пассажир?!

Я поднял глаза. Передо мной стоял дядя в чёрном пальто с каким-то блестящим значком. Это он у меня спрашивал, где мой билетик, и это он меня называл пассажиром.

Я растерянно посмотрел на маму. Мне стало не по себе. А мама почему-то улыбнулась и отдала мне свой билетик. Я

быстро протянул его дяде, который, как потом выяснилось, был контролёром: проверял, все ли пассажиры с билетами.

Он посмотрел на мой билетик. Оторвал от него краешек и вернул обратно:

— Получите, пассажир!

Я облегчённо вздохнул. Потом мы сели к окну и стали смотреть, как мимо нас проплывали дома, пробегали деревья, и ни один велосипедист не мог догнать нас.

«Хорошо быть пассажиром!» — думал я и долго хранил маленький бумажный билет.

ПАССАЖИРОМ человек бывает до тех пор, пока едет на автобусе. Но как только он подъезжает к своей остановке и соскакивает с подножки на мостовую — он уже не пассажир. И на улице его никто не назовёт пассажиром.

Мы с мамой вышли из автобуса и решили перейти на дру-

гую сторону. И вдруг чей-то громкий голос сказал:

— Товарищи пешеходы, соблюдайте правила перехода!

Мне показалось, что эти слова произнёс великан, — такой у него был громкий голос. Я стал смотреть по сторонам и искать великана с громким голосом.

Вместо великана я увидел красную машину с двумя громкоговорителями на крыше. Это машина разговаривала так громко.

Мама потянула меня за руку и сказала:

— Идём, все пешеходы пошли!

Тогда я стал искать пешеходов. Я думал, что пешеходы — это такие скороходы, которые ходят быстрее автобуса. Но пешеходов не было видно, все шли обычным шагом.

И вдруг машина сказала:

— Пешеходы, заканчивайте переход. Пропустите транспорт.

Все остановились. И мы с мамой тоже.

— Где пешеходы? — спросил я.

— Ты сам пешеход, — ответила мама, — все, кто ходит пешком, — пешеходы.

Мне было приятно, что я не просто мальчик, а пешеход, потому что слово «пешеход» похоже на слово «скороход». А быть скороходом — это здорово! Даже лучше, чем пассажиром.

РАΝЬШЕ я не знал, что одного человека могут называть по-разному.

Теперь я хожу в школу, и все называют меня школьником. Даже бабушка говорит:

— Ты у нас школьник!

А недавно меня приняли в октябрята. Мне прикололи красную звёздочку, и меня стали называть по-новому:

— Октябрёнок!

Когда меня называют октябрёнком, я очень горжусь. Октябрёнок — внук дедушки Ленина. А моя красная звёздочка похожа на кремлёвские горящие звёзды. Только моя — поменьше.

Гори, гори, моя звёздочка!

Ёлочка

*Заснеженной тропочкой
Вдоль берега реки
Любил ходить я к ёлочке
В погожие деньки.*

*Срубили эту ёлочку,
К нам в школу принесли,
Колючие иголки
Огнями расцвели.*

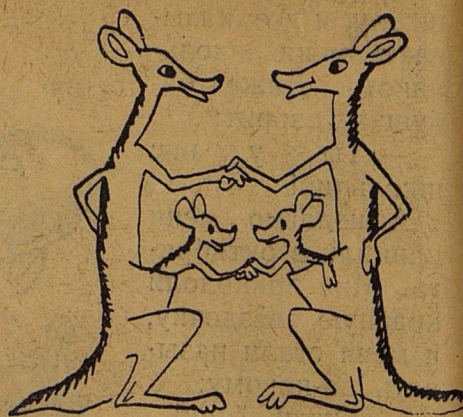
*Ребята не посмотрят
На ёлочку-красу,
А всё ж тогда красивее
Была она в лесу.*

Виталий АНТИПИН.
2-й „Б“ класс, 199-я школа.

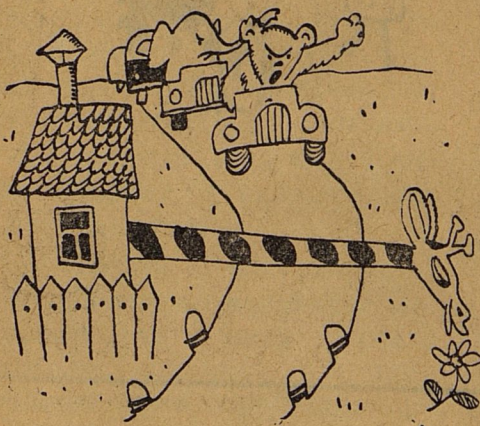

Художник Беломлинский у нас в гостях *

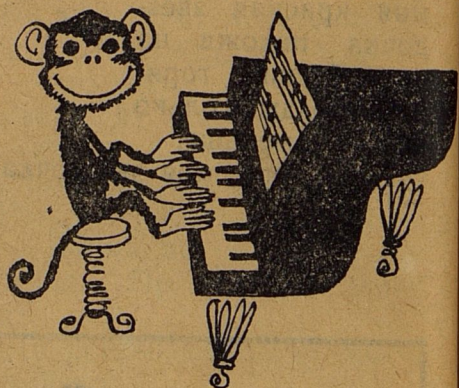
Михаил Беломлинский — художник весёлый. Если собрать все его работы в «Костре» и в «Искрике», в «Боевом карандаше» и в «Весёлых картинках», в книгах Ю. Германа «Дай лапу, Друг» и Е. Серовой «Пропажа», А. Миничова «Тринадцать разных историй» и других, — то огромно юмора, наполнено радостными улыбками, тёплым солнечным светом. В этом вы можете убедиться и сами.

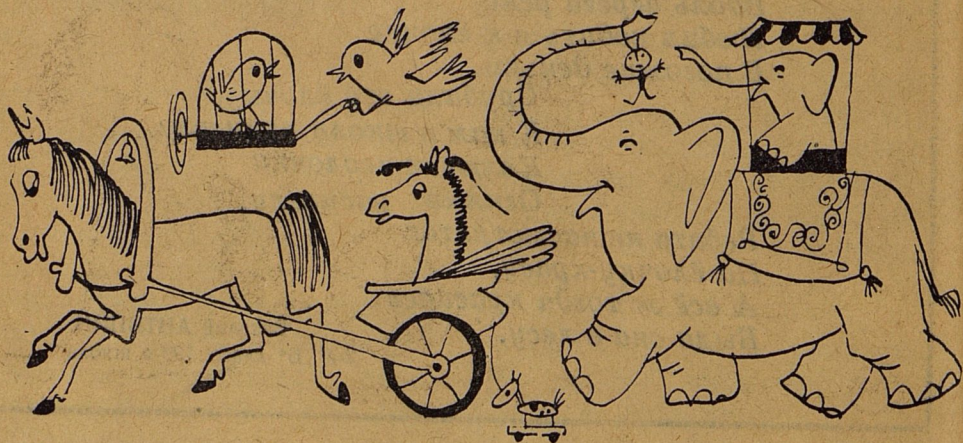
С добрым утром!

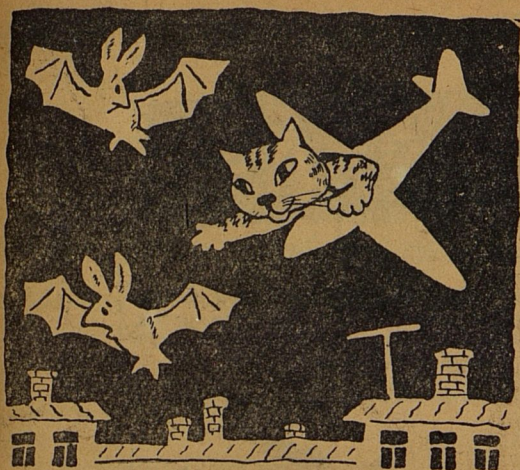

Завтрак.

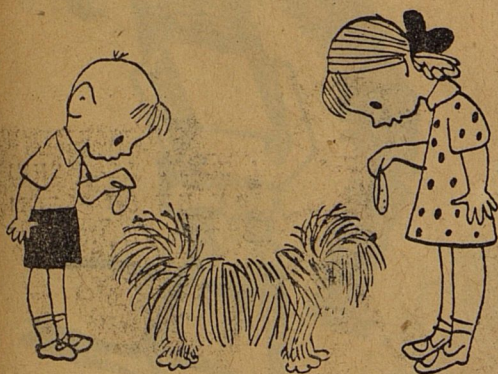

В четыре руки.

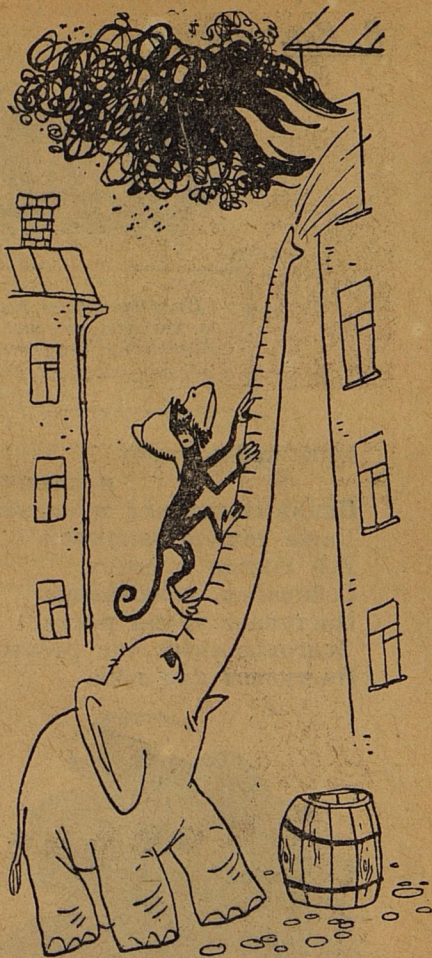

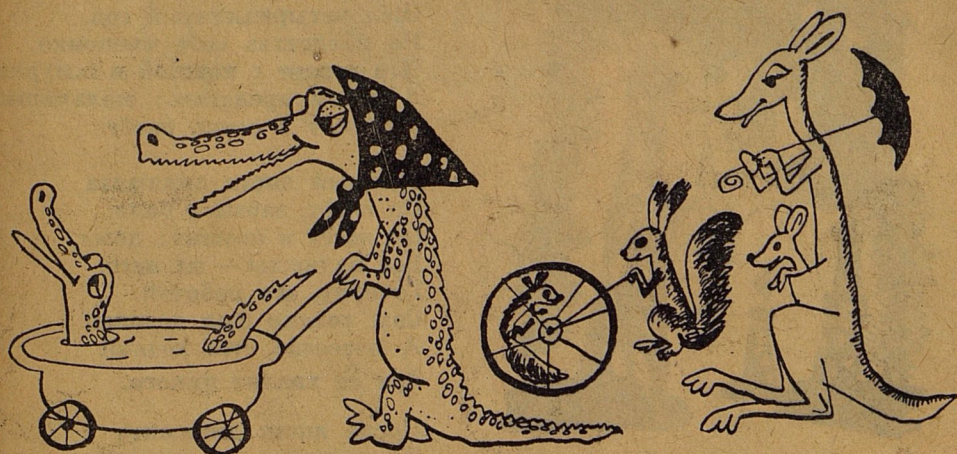
Приспособился!

Удивительный вопрос:
Где тут хвост, а где тут нос?

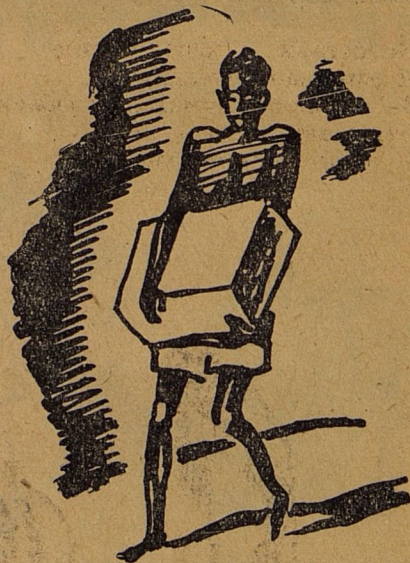
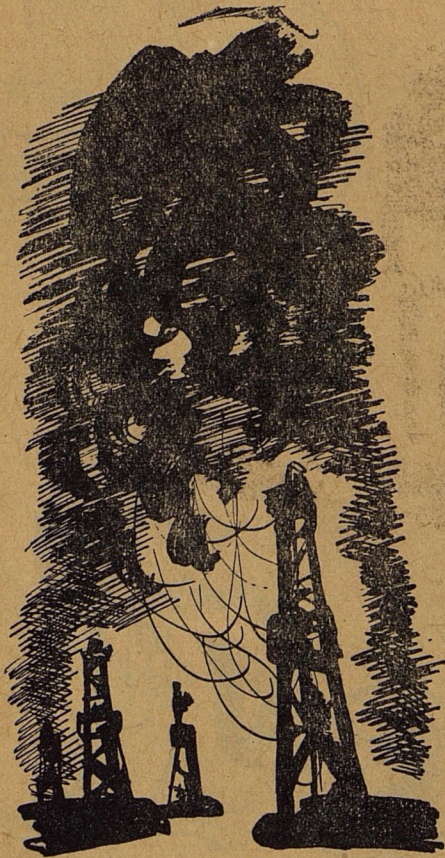
Пожарная команда.

Саламандра — это не имя, это профессия детей бедняков, которых нанимают нефтяные короли для тушения частых пожаров на нефтяных промыслах. Эта страшная профессия особенно распространена в странах Ближнего Востока.

Если нефть горит
и пламя
Поднимается над прииском,
Даже солнце закрывая,
Всё сметая и слепя,
Собирайся, саламандра,
Наступает время риска,
Долгожданный час работы
Наступает для тебя.

Самый юный саламандра
Был как ящерица юркий,
Потому что от рождения
Шёл четырнадцатый год.
Но представь себе мышонка,
Что играет с кошкой в жмурки,
А потом представь: мальчишка
Динамит в огонь несёт.

Грозный ящик динамита
Он несёт, забыв о боли,
Он несёт и помнит: дома
Все надежды — на него.
Говорят, его работой
Сам хозяин был доволен
А известно, что хозяин
Зря не хвалит никого.

После ящик динамита
Из винтовок расстреляют,

Оглушённый силой взрыва
Стихнет к вечеру пожар.
— Молодчина, черномазый, —
Скажет мистер, награждая
Тощей пачкой ассигнаций
За работу малыша.

Но нельзя играть со смертью,
Смерть шутить не любит шуток,
Ведь удача — неудачей
Обернуться может в миг.
И однажды на рассвете
Наступила та минута...
И потряс округу грохот,
Заглушая детский крик.

Но остались: небо, солнце
И красавцы олеандры,
За большим песчаным гребнем
Отражает их вода.
И один лишь саламандра,

Самый юный саламандра
Их отныне не увидит,
Не увидит никогда.

Он не встанет, он не встанет,
Понимаешь, он не встанет.
Лжёт хозяин, утверждая:
«В этот раз не повезло».
Он послал его на гибель.
Значит, пусть скорей настанет
Час, когда добро и правда
Победят повсюду зло.

Белозубых, синеглазых,
Непоседливых, упругих
Я давно люблю мальчишек,
Как друзей своих люблю,
Но нельзя помочь мальчишке,
Что лежит, раскинув руки,
На земле, принадлежащей
Нефтяному королю.

Всю ночь шёл снег. Зимний рассвет пришёл поздно, едва пробив мгlistую пелену. Тундра лежала, укрытая бесконечным одеялом, сотканным из кружевных снежинок. Ветки ивняка у озера украсились такими затейливыми ожерельями, каких никогда не сделают человеческие руки.

Щенок поднял голову и завыл. Вой был тоскливый и беспомощный. Голод терзал отощавшее тело. Пушистая шерсть свалялась и запылалась в пепле давно остывшего костра.

У щенка была сломана задняя нога. В тот день, когда снимали чум, разбирали дымные покрывала и закопчённые шесты, любопытный щенок вертелся возле нарт. От неосторожного рывка тяжёлый шест свалился на землю и больно стукнул щенка по ноге. Он громко заскулил и торопливо заковылял в тальник.

Нарты уехали. Когда щенок приполз обратно к тому месту, где был чум, он застал лишь тёплый пепел костра.

Запах человека заставлял

песцов и тундровых волков далеко обходить то место, где лежал беспомощный голодный щенок.

Сегодня костёр засыпало снегом. И этот день был бы последним для щенка, если бы к полудню не произошло чудо: к покинутой стоянке подъехали нарты.

На нартах сидел Пирерка, пастух оленеводческого колхоза, ехавший на базу оседлости.

Щенок поднял голову и поглядывал на Пирерку жёлтыми печальными глазами.

— Одна нога худая... Пропадёт. — Пастух поднял щенка за загривок. — Кто тебя в тундре бросил?

Рассказать ему про свою беду щенок не мог. Он висел в руке Пирерки, покорно опустив лапы и поджав хвост.

Подобрать в тундре полуживого щенка с перебитой ногой было глупой затеей.

Пирерка сдвинул капюшон малицы, поскрёб пальцами черноволосую голову и вздохнул.

— Ладно, — сказал он. —

Поедем... Ане тебя отвезу, сестрёнке.

Когда нарты тронулись дальше, щенок уже спал под оленьей шкурой. На сломанную ногу была наложена шина, выстроганная из ивового прута.

На базе оседлости, куда приехал Пирерка, было много домов, людей, собак и оленей. Пока пастух шёл по улице, щенок то пугливо прижимался к его груди, то растерянно таращил глаза, то задиристо ворчал.

С высокого крыльца интерната навстречу Пирерке с радостным визгом скатилась узкоглазая круглолицая девочка. Это была сестра Пирерки Аня, которая жила в интернате на базе оседлости и училась уже в пятом классе.

— Вот, возьми, — Пирерка подал ей щенка. — Гостинец по дороге нашёл..

Так щенок оказался в комнате, где был твёрдый пол, пахнувший лесом и мылом, стояли койки, шкаф и на окнах висели занавески. Ковыляя на трёх ногах, щенок не смело прошёл десяток шагов. Встретив на пути мохнатую серую туфлю, он взъерошил

шерсть на загривке, на всякий случай оглянулся на свою новую хозяйку и заливисто залаял.

Аня тряхнула головой и весело рассмеялась. Щенок залаял ещё громче. Мохнатая туфля молчала. Поэтому лаять стало скучно, и щенок поглядел на девочку, словно спрашивая, что же ему теперь делать.

В это время в комнату прибежали три черноколых подружки Ани и подняли такой шум, что щенок боязливо прилип к ножке стола, прижав уши.

— Как его звать? — спросила Аню одна из девочек. Аня растерянно заморгала узкими глазками. В суматохе встречи с братом она забыла узнать у него кличку щенка. Признаваться в своей оплошности перед подружками не хотелось.

— Зовут? — переспросила Аня. — У него хорошее имя... — Она наклонилась, взяла щенка на руки и, увидев у него на груди пятнышко всклокоченной белой шерсти, решительно сказала:

— Белик его зовут.

Так щенок получил имя, хотя оно совсем не подходило к его масти, темно-серой с рыжими подпалинами.

Через несколько месяцев Белик подрос и окреп. Нога его зажила так удачно, что он и забыл про своё несчастье.

Если бы существовал собачий рай, то жизнь в этом раю была бы не лучше той, которой жил Белик.

По просьбе Ани и её подружек он получил у заведующего интернатом разрешение спать на теплой подстилке в коридоре возле круглой печки. Объёмистая миска всегда была полна едой, не считая тех лакомых кусочков, которые Аня таскала ему из интернатской столовой. У Белика начал развиваться хороший вкус. Он отличал сливочное масло от

маргарина и чайной колбасе предпочитал колбасу твёрдого копчения.

В интернате было шумно, весело и очень интересно. С восторгом принимая участие во всех ребячьих забавах, Белик, однако, никогда не забывал своей хозяйки. Среди трёх десятков пальто он безошибочно угадывал её пальто, с рыжим лисьим воротником,

среди топота многих ног он всегда угадывал её шаги, а прикосновение её круглых упругих ладошек было ему дороже прикосновения любой другой руки.

Рос Белик не по дням, а по часам. Грудь его стала широкой, ноги походили на пружины волчьего капкана, а хвост бил по полу с такой силой, что вздрагивали половицы. Когда Белик лениво зевал, даже Аня невольно жмурилась: его пасть была полна острых зубов.

Через некоторое время обоняние, привыкшее к знакомым запахам интерната, понемногу слабело, на загривке и на боках вырос жир, глаза лениво щурились. Круглая печка приучила Белика к теплу.

Лишь в те дни, когда Аню приезжал навещать её брат, Белик не мог спокойно лежать на своём уютном месте.

Пирерка приходил в потёртом совице, пахнувшем моро-

зом, дымом костров и свежестью весенней тундры. На бакарях у него были кусочки мёрзлой земли и помёт тундровых куропадок. Руки пастуха пахли тёплыми оленьими губами.

Белик встречал его глухим лаем и кружился, жадно принохиваясь к запахам тундры. Он тыкался носом в бакари, выбегал на крыльцо и тоскливо выл.

— Большой вырос... Жирный однако. — Пирерка ощупывал Белика жёсткими пальцами и недовольно сопел. — Плохо бегать будет...

Осенью интернат, в котором жила Аня, перевели с базы оседлости в большой посёлок нового рыбозавода.

Заведующий не разрешил Ане взять с собой Белика, и собаку пришлось отдать Пирерке, приехавшему проводить свою сестрёнку.

— Я весной его возьму, — Аня гладила Белика по голове, и на глазах у неё были слёзы. — Утром он ест сгущённое молоко с булкой... Только ты, гляди, вчерашнего супа ему не давай.

— Не буду давать, — искренне заверил её брат, хитро сощурив глаза. По его мнению собаке вообще ни к чему есть суп. Хоть вчерашний, хотя сегодняшшний...

Белик глядел на Аню тревожными глазами и, ухватив её за полу пальто, тянул к воротам интерната, из которых выносили парты и классные доски.

Когда началась посадка на

катер, Аня всхлипнула, прижала голову Белика к груди и быстро убежала по сходням.

Белика на катер не пустили...

Отдохнувшая оленья упряжка бежала по тундре, летел снег из-под широких копыт, качались ветвистые рога, и пастух Пирерка пел песню.

Разве будешь молчать, когда снег вокруг белее, чем сахар, который продают в магазине, когда вокруг такой простор, что видно, как небо сливается с землёй.

Тяжело дыша, высунув розовый язык Белик бежал за нартами и лаял. Наверное, он просил ехать немного потише.

Хитрый пастух не оглядывался на Белика и подгонял длинным хореем упряжку:

— Эк! Эк!

Колкий снег набивался в лапы и сбивался в острые, режущие льдинки. Когда боль становилась нестерпимой, Белик усаживался на снег и, сердито урча, торопливо выкусывал льдинки из лап.

За это время нарты успевали уехать далеко, и собаке приходилось бежать вскачь, чтобы не остаться одной в тундре.

Впереди показалось оленьё стадо. Сотни оленей неторопливо двигались с места на место, разрывая снег и пощипывая ягель.

В стороне виднелся чум, возле которого возились пастухи.

Утопая в снегу, к нартам мчались две оленегонные лайки. Не успел Белик сообразить, как лайки сбили его с

ног, и, если бы Пирерка не пустил в ход хорей, собаке пришлось бы очень туго.

Опасливо поглядывая на лаек, усевшихся на снегу метрах в двадцати от нарт, Белик жался к пастуху.

Особую неприязнь к Белику проявил серый остромордый пёс с чёрным пятном на лбу и с тощими боками, подпалёнными у костра.

— Зачем собаку привёл? — спросил пастух со смотанным арканом в руках.

— Сестра оставила, — Пирерка ткнул Белика хореем в грудь. — Худая собака, жирная. Учить надо. Пусть живёт.

— Пусть, — согласился пастух.

Так началась у Белика новая жизнь.

В первую же ночь спать ему пришлось на снегу, приткнувшись к пологу чума. Белик мёрз и несколько раз пытался проникнуть в тёплый чум. И каждый раз он натёкся на обутые в мехо-

вые бакари ноги, которые ловко выбрасывали его на снег.

Когда Белик решил пожаловаться на свою тяжёлую судьбу, из тундры в ответ на его завывание донёсся волчий вой. Белик замолчал. А через полчаса в той стороне, где паслось стадо, раздались выстрелы, истошный собачий лай. Поджарые волчьи тени промчались недалеко от чума и сгнулись в темноте.

Утром пёс с пятном на лбу отобрал у Белика мозговую кость, хотя Белик был так голоден, что готов был грызть полюзья у нарт.

Выручил его Пирерка.

— Прочь, Урах! — прогнал он нахального пса и вынес Белику из чума оленью лопатку с остатками мяса.

Потом пастух повёл его в стадо.

Острые запахи оленей вскружили Белику голову. Осатанело лая, он бросался из стороны в сторону. Старые

степные быки неторопливо сторонились, с неодобрением поглядывая на бестолковую шумную собаку. Когда Белику пришла в голову фантазия схватить рослую важенку за густую шерсть, он оказался на земле, сбитый ловким ударом рогов.

На беготню и лай у Белика хватило сил всего на полчаса, а Пирерка шёл и шёл на лыжах вокруг стада, напевая бесконечную песню. Видно, очень любил свои песни белозубый Пирерка. За песнями он не заметил, что Белик изнемог и бредёт за ним, опустив хвост.

Ветер нёс от стада волнующие запахи. Белик морщил нос и напрягал все силы, чтобы не отстать от пастуха.

Непривычные к жёсткому снегу лапы Белика больно ныли, в густую шерсть набивался снег, позёмка слепила глаза.

— Белик, гони! — Пастух остановился и показал на молодого оленя, отбившегося в сторону от стада.

Белик закружился вокруг Пирерки, вопросительно заглядывая ему в глаза и дружелюбно помахивая хвостом.

— Гони! Оленя гони! — Пирерка толкнул его в ту сторону, где находился олень.

Белик зарычал, отбежал метров десять и оглушительно залаял. Пролаяв минуты три, он возвратился к пастуху, ожидая его одобрения.

Тот замахнулся на него прикладом ружья и побежал на лыжах к оленю.

Из стада Белик возвратился усталый и обескураженный.

Остромордый Урах встретил его презрительным зевком и отобрал ужин. Пирерка на этот раз не пришёл на выручку.

Так продолжалось целый месяц. Белик спал с тела и здорово разозлился на своего мучителя, остромордого Ураха, не дававшего ему прохода.

Однажды Пирерка, не обращая внимания на ехидные замечания пастухов, взял, как обычно, Белика в стадо и снова приказал ему гнать отбившегося оленя.

— Сюда гони. Сюда! — крикнул он собаке, показывая на оленя.

Белик крутнулся у его ног, и пастух увидел, как напряглось отощавшее тело собаки.

— Гони! — снова крикнул он.

И тут, видно, Белик понял, что ему нужно делать.

Обогнав Пирерку, он помчался, прыгая по сугробам. Он не бросился с ходу на оленя, а трусцой обежал его и присел на пути, оскалив зубы.

В горле само собой возникло незнакомое глухое ворчание. Именно такое, какое было нужно, потому что олень послушно повернул назад и побежал к стаду, опасливо оглядываясь на собаку. Белик побежал за ним, но увяз в глубоком снегу и еле выбрался.

И впервые за всё время Пирерка потрепал Белика по голове.

Когда в тот день Урах хотел, как обычно, отнять у Белика еду, тот вздыбил шерсть на загривке и так зарычал, что остромордый разбойник невольно остановился.

Урах имел опыт в таких делах. Он терпеливо выбирал подходящий случай, чтобы подчинить Белика себе так, как он подчинил остальных оленегонных лаек в стаде.

Урах подстерёг Белика, когда тот находился в дальней части стада.

К чести Ураха, надо сказать, что он не бросился разбойничьим прыжком из засады. Нет, пёс выскочил из-за сугроба и встал перед Беликом, готовый к нападению. Он соблюдал все правила честной драки: рычал, скалил жёлтые клыки, угрожающе лаял.

Может быть, Урах надеялся, что в последнюю минуту Белик испугается его грозного вида и струсит. Тогда победа будет бескровной и почётной. Его, наверное, смущала широкая грудь Белика и заострённая пасть, в которой зубы были ничуть не меньше, чем у Ураха.

Сдаваться Белик не хотел, но всё-таки решил кончить дело миром, сделав вид, что не замечает своего врага.

Урах сделал прыжок в сторону и загородил ему путь.

Тогда Белик бросился на него.

Противник был увёртливым и ловким. Зубы Белика клацнули по пустому месту. Пока он приходил в себя от досад-

ного промаха, Урах вцепился ему в загривок. Собаки показались по снегу.

Белик был сильнее, крепче стоял на ногах. Урах вертелся волчком, успевая куснуть раза три, пока Белик доставал его один раз. Лишний жир мешал Белику, и скоро он стал задыхаться. Урах уже прокусил ему плечо и выдрал не один клочок шерсти на боках и спине.

Неизвестно, чем бы окончилась драка, если бы не подошёл Пирерка. Получив несколько ударов арканом, Белик отбежал в сторону, уселся в сугроб и стал зализывать раны, а Урах, отделавшись пустяковыми царапинами, удрал к чуму и с ходу украл кусок оленины.

Искусанное плечо болело у Белика дней десять. За это время лапы его привыкли к колкому снегу, в длинной шерсти появился густой подпушек, который надёжно согревал его при ночёвках в снегу. Ежедневная беготня в стаде налила мышцы упругой силой.

Урах не решался затевать с ним новую драку. Он теперь изменил тактику. Стоило Белику зазеваться, как его враг появлялся словно из-под земли, выхватывал из-под носа еду и улепётывал со всех ног.

Догнать его Белику ещё не удавалось ни разу.

Прошли январские метели, февральские злые ветры сбили снег в твёрдый наст, по которому можно было ходить, как по полу. И вот наконец над горизонтом выглянул краешек

багрового солнца, задёгнутого студёной дымкой.

Каждый день Белик ходил с Пиреркой в стадо. Дел у него было много. Молодой бычок с больной ногой часто отставал. Непоседливые важенки норовили отбиться в сторону. Когда Белик начинал загонять их к стаду, они сердились и выставляли острые рога. Белик не только ворчал на них, но частенько даже покусывал за мохнатые ноги, чтобы заставить их соблюдать порядок.

Шерсть у Белика стала жёсткой и грубой. На боках появились подпалины от костров, возле которых он любил греться.

Белик стал опытнее и сдержаннее. Теперь он не носился без нужды вокруг стада, а выбирал удобное место и ложился, подсунув лапы под свою острую морду.

Зоркие жёлтые глаза внимательно следили за стадом.

Иногда Белик отправлялся к своей приятельнице, добродушной лайке Вонге, и, если та не была занята неотложным делом, они досыта, на зависть Ураху, носились по подтаявшему

снегу, по мокрым проталинам и по каменистой осыпи.

Когда в стаде появились тонконогие молодые оленята, у Белика не оставалось времени на развлечения. На задорных мордочках у оленят были золотистые пятнышки — веснушки, а стройные ноги не могли и на секунду остаться без движения. Никогда ещё Белик не видел таких неугомонных зверей. Целый день эти непоседы носились по стаду, забирались на каменистую осыпь, где можно было в два счёта сломать ноги, прыгая через ручьи и сугробы.

Стоило на минуточку оставить их без надзора, и они сразу разбредались по сторонам, вызывая смятение среди степенных мамаш.

Так случилось и в тот день, когда Белик завоевал себе

признательность пастухов и помирился с Урахом.

...Молодой оленёнок отбилсЯ от стада и стрелой помчался к зарослям тальника, уже выпустившего свои пушистые серебряные серёжки. Смешно вскидывая круп, на котором торчал крошечный хвост, оленёнок прыгал через валуны и разбрызгивал лужи на проталинах.

Белик догнал его в тот момент, когда оленёнок намеревался перепрыгнуть через порожистый мутный ручей.

Белик встал у него на пути и негромко залаял, что означало: «Иди, глупый, домой, куда ты один забрался?»

Оленёнок задорно выставил лобастую голову и пошёл на собаку. Белик отскочил в сторону. Оленёнок крутнулся на тонких ногах, но пёс оказался проворнее и чувствительно ущипнул его за бок.

Это заставило оленёнка быть сговорчивее. Смешно взбрыкнув задними ногами, он помчался к стаду.

Белик неторопливо пошёл вокруг тальника и вдруг замер на месте. Ветер донёс волчий запах.

Белик отскочил от густых зарослей и тут же увидел врага.

Матёрая волчица ползла на брюхе по краю проталины, подкрадываясь к серому валуну. А с другой стороны к этому же валуну, беспечно крутя головой, бежал тот самый оленёнок, которого Белик не-

сколько минут тому назад отогнал от тальника.

Белик бросился наперерез оленёнку.

Но волчица оказалась бывалой. Увидев собаку, она поняла, что засада раскрыта, и тоже помчалась к оленёнку.

Тот остановился и, игриво вскидывая головой, смотрел, как к нему с двух сторон мчатся мохнатые клубки.

«Беги. Беги же!» — хрипло пролаял Белик, но несмышлёный оленёнок танцевал тонкими ногами на каменистом увале, шурша осколками сланца. И лишь тогда, когда волчица была в десяти метрах, оленёнок испуганно вздёрнул головой и сделал отчаянный прыжок в сторону.

Волчица промахнулась. Пролетев по инерции метра три, она забороздила по земле лапами и снова повернулась к оленёнку.

И в этот момент подоспел Белик. Враги сшиблись и отлетели в разные стороны, как резиновые мячи.

Оленёнок, очертя голову, удирает к стаду.

Белик ударил волчицу грудью, но та устояла на ногах и, ловко щелкнув зубами, распорола ему бок. А через мгновение острые волчьи клыки впились ему в шею. Густая шерсть выручила Белика. Волчица не могла добраться до горла, но она повисла на собаке мёртвой хваткой, стараясь свалить её с ног.

Напрягая все силы, Белик пытался стряхнуть с себя вол-

чицу. Та бороздила по земле передними лапами и наваливалась на собаку всей тяжестью. Белик стал задыхаться. И тогда он сделал так, как делают олени при внезапном нападении. Он напружинился, подпрыгнул вверх, увлекая за собой волчицу, и затем, перевернувшись в воздухе, упал вниз спиной, подминая врага. Волчица разжала зубы и отскочила в сторону.

Освободив шею, Белик стал более осторожным: волчица не один раз нарывалась на его острые зубы. По серой груди её двумя тёмными полосками текла кровь, как суконка болталось полуоторванное ухо, и сквозь широкую рану на плече была видна розовая кость.

Но силы Белика быстро убывали от тяжёлой раны на шее. Он уже не мог отвечать на каждый бросок своего врага. Поняв, что она побеждает, волчица усилила натиск.

Когда Белик упал на землю, зубы врага снова сомкнулись на его шее. Жаркое дыхание волчицы заставило его несколько мгновений ожесто-

чённо метаться. Это была последняя вспышка. Белик сейчас уже не мог бы спастись бегством.

Жёсткие лапы волчицы упёрлись ему в грудь.

Белик не видел, как на склоне появился всклокоченный тёмный комок. С громким лаем Урах ударил волчицу в то самое мгновение, когда она готовилась перегрызть горло полузадушенному Белику.

Удар Ураха был страшен. Он сшиб волчицу с ног. Она стукнулась о валун, но не успела подняться, как собака снова налетела на неё. Не давая волчице опомниться, Урах добивал её.

К Белику медленно возвращалось сознание. Инстинкт опасности заставил его встать на ноги. Из широкой раны на голове текла кровь и заливала глаза. Белик шатался.

А неподалёку, подняв острую морду, победно лаял Урах. У ног его, вытянувшись, лежала волчица.

Белика снова оставили силы, и он упал на камни.

Когда к месту схватки при-

бежали пастухи, они увидели, что, жалобно скуля, Урах поддевает Белика острой мордой, стараясь поставить на ноги...

Весной в стадо, откочевавшее к ветреным морским берегам, приехала Аня.

Когда она соскочила с нарт и направилась к чуму, большая белогрудая собака молча преградила ей путь.

— Белик! — Аня радостно кинулась к нему.

Белогрудая собака взвизгнула, как щенок. Наклонив голову и махая хвостом, она пошла к незабытому ласковому голосу, к знакомым запахам.

Пирерка сосал трубку и смотрел, как суровая оленегонная лайка прыгает вокруг девочки, лает и катается по траве, смешно перебирая сильными лапами.

— Я возьму Белика с собой, — заявила Аня, собираясь обратно.

— Жалко... Хорошая собака стала, в стаде нужна, — стал отговаривать её Пирерка. — Волка убила.

Белозубый пастух, любивший песни, мог поспорить и с лютым морозом и с тундровой пургой, не пострашился бы выйти один на один с медведем. А вот с круглолицей сестрёнкой ему не поспорить, ни в чём ей не отказать.

Белик послушно побежал за нартами Ани, но в полукилометре, когда стадо скрылось за пологим холмом, он тревожно залаял и выскочил наперерез оленям. Упряжка сбилась в кучу.

— Что ты, Белик? — Аня соскочила с нарт.

Белик хрипло залаял, не давая оленям тронуться с места.

— Поехали... Отойди, Белик. — Она хотела отогнать собаку в сторону, но та неожиданно зарычала и огрызнулась.

В это время на холме показался одинокий олень, отбившийся от стада. Он неторопливо пощипывал сочное разнотравье.

Белик жалобно заскулил, поглядывая то на Аню, то на оленя, бредущего по холму.

Упряжка тронулась. Белик послушно побежал за нартами, но минут через пять остановился, уселся на землю и громко залаял, словно просил Аню остановиться.

Раза три он нагонял упряжку, лая, пытаясь вскочить на нарты, бежал рядом, заглядывая в лицо Ани растерянными глазами.

Олень всё дальше и дальше отбивался от стада. Он спустился с холма по ложине, неторопливо выбирая корм повкуснее. Потом нашёл ивовые заросли на берегу ручья и скрылся из виду.

Упряжка уезжала в посёлок. Легкие нарты оставляли сырой след на траве. Аня громко звала собаку.

Белик сидел у камня и тоскиво выл.

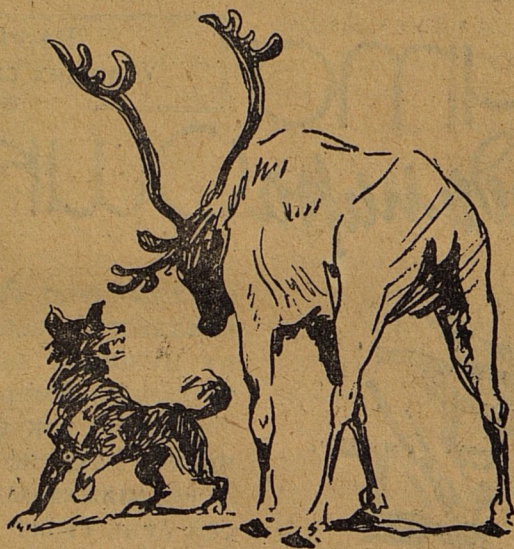
— Белик. Беличек... — донёсся знакомый голос. — Белик!

Белик метнулся за нартами,

потом словно что-то вспомнил
и повернул обратно.

Когда Аня поглядела назад,

Белик, опустив голову, деловито бежал к ивняку, в который забрёл олень.

З И М А

Мчится, мчится озорница
На санях во весь опор
Лёгкий иней на ресницах,
И на шапочке узор.

Снег поскрипывает тихо
Под полозьями саней.
А зима несётся лихо
И совсем не страшно ей.

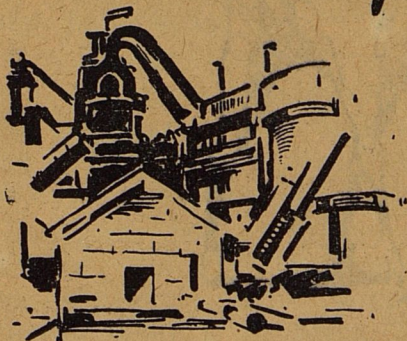
За неё мне страшно станет
На дорогу выйду сам,
Крикну громко: «Ну-ка, сани,
Поворачивайте к нам»

Володя ОШЕРОВИЧ
6-й „А“ класс, 116-я школа

Мечта

Владимира Ошко

Рассказы
о людях семилетки

ВОЛОДЯ родился в посёлке Амур, что напротив Днепропетровска на левом берегу реки. И как только попало сюда дальневосточное название? Наверно, гнали мужиков с жёнами, с детьми малыми, со скудным крестьянским скарбом заселять берега далёкого Амура. Дорога лежала длиною не в месяц, не в два. И в год не доберёшься. Переправились мужики через Днепр. Степь кругом лежит необъятная, — только паши, только сей. В реке рыбы, у реки птицы непуганой, — хоть руками бери, хоть палками бей. Амур-то далеко, а земля пустая — вот она!

Кто-то махнул рукой на грозные указы-приказы, да и осел на левом берегу. И вы-

росло селцо. А чтоб небольно начальство цеплялось, кто-то из мужиков похитрее назвал то селцо Амуром.

Может, так было, а может, иначе как, но только Амур с незапамятных времён и по сей день стоит на берегу Днепра.

Вот в этом самом Амуре и родился у слесаря Петра Владимировича Ошко и у жены его Веры Григорьевны сын. Случилось это 20 октября 1930 года.

Мальчишка — белобрысый, крепкий, сучил ногами, раскидывая пелёнки, и орал чуть хриповатым баском. Развивал легкие.

— Добрый людына! — засмеялся довольный отец.

Мать улыбнулась, не отводя взгляда от синих ещё неосмысленных глаз мальчишки!

— Как назовём-то, Петро?

— Назовём?.. Владимиром, стало быть... Владимир Петрович Ошко.

Только-только родился мальчишка, а его будто ждали! мальчишке нужен будет свет — и гремел в скалах аммонал, грохотали камнедро-

билки, густел замешанный в чанах бетон, будто тесто в гигантских макитрах, — тесто, из которого лепили плотину Днепротреста.

Мальчишке нужен будет хлеб — и в деревни на организацию колхозов двинулась ударная армия — двадцатипятидесятники. Их встречали точёные тёмными ночами кулацкие ножи и пули кулацких обрезаков. Но ничто не могло остановить этих людей. Они знали: мальчишке будет нужен хлеб.

Страна думала о его будущем. Придёт время, подрастёт мальчишка и оплатит Родине за заботу. За ним не пропадёт!

...Детство, детство. Ласковые, проворные руки матери пахнут тестом и кислым молоком. Большие ладони отца — железом. Они будто и сами из железа, такие твёрдые на них мозоли.

Днепр — не река, а море необъятное, и невозможно представить себе, что он имеет начало и конец.

И, наверное, именно здесь, на берегу синей реки, рождалась в мальчишке любовь к песне, к тихому шороху волн, к степному простору. И ещё тяга к тому берегу, к сказочному городу, что зажигал по вечерам призрачные золотые огни и держал голубое небо на заводских трубах.

Из труб валил дым. Чёрный, синий, серый, густо оранжевый. По ночам в небо выбрасывались столбы искр и сполохи пламени. Там творились

руками людей немыслимое чудо: варилась сталь. Понимаете? Варилась. Как суп, как каша...

Володька отчётливо представлял себе людей в передниках, как на матери, когда она стряпает. Они стоят возле огромных печек и мешают в огромных кастрюлях огромными поварёшками стальное варево. Узнать бы, с солью оно или без соли?..

Но река не только учила видеть мир добрыми глазами, любить всё живое на живой земле. Она исподволь шлифовала характер. И подобно тому, как воды её упорно стремились к заветной цели, так и люди на берегу её становились упорны и неутомимы.

Как-то, искупавшись, лежали ребята у реки. Июльское солнце палило нещадно, будто собралось совсем обуглить и без того шоколадные тела.

— Меня мамка опять на базар посылает, — вздохнув, сказал один из ребят. — А на мосту пятки жжёт. Святой истинный!.. Вчера всю дорогу бегом бежал. Прямо щиплется за ноги, хоть вой...

— А ты не ходи через мост, — посоветовал Володька.

— А через что?

— А через ничто. Плыви себе — и не жарко и не далеко.

— Плы-ыть... Га!.. Сказанул. Через Днепр! Что я парю, что ли? — Паренёк засмеялся, довольный собственной шуткой. Его никто не подержал, — жара размарива-

ла, — и он, умолкнув, положил лохматую голову на согнутую в локте руку.

— Люди переплывают, — веско сказал Володька.

— Ну и плыви себе, — отмахнулся парёнок.

— Ну и поплыву.

— А вот и нет!

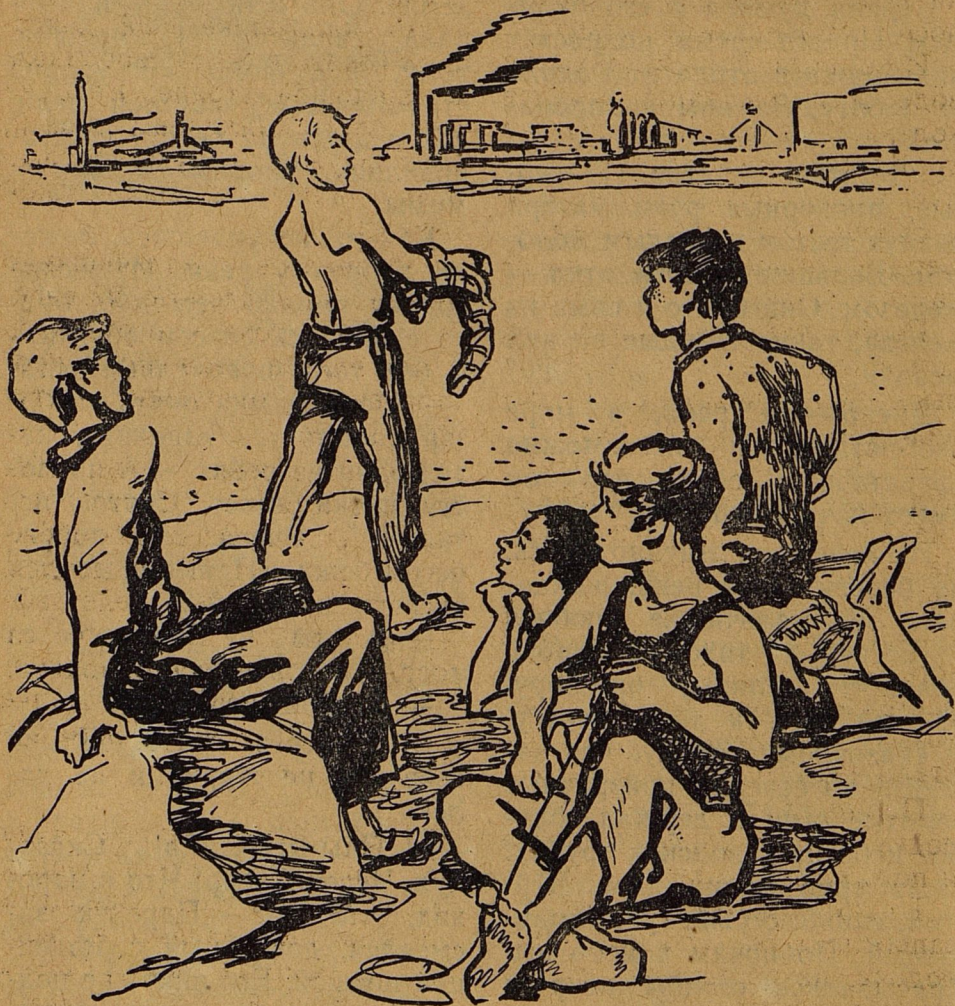
— А вот и да...

— Мелешь!

— Ах так! — Володька вскочил на ноги, сердито замотал белобрысой, круглой, как шар, головой. — И поплыву! Тащите штаны на тот берег.

Он зашагал к воде. С разгону плюхнулся в волны и, не оглядываясь, поплыл. Плывёт, плывёт мальчишка, а далёкий берег ничуть не приближается. И только река неумолимо сносит пловца вниз.

Жутковато стало Володьке. Лёг на спину отдохнуть. Вдруг представил себе, как смеются ребята над ним; треплом, звонком, хвастуном называют. Сжал зубы. Поплыл дальше: сперва сажёнками, потом на боку, потом на спине... Заметил рядом лодку

с двумя парнями и девушкой. Парни вёслами играют, смеются. Тоже на тот берег курс держат.

Полегче плыть стало.

— Мальчик, ты не устал? — спросила девушка.

Володька не ответил, только сильнее замахал руками.

— Гордый! — Парни засмеялись. Поднажали на вёсла, обогнали пловца и остановились неподалёку.

Володька снова глянул на городской берег. Заводские трубы спокойно поддерживали небо, чтобы оно не свалилось на Володькину голову.

И он плыл. И не было конца воде. А потом вдруг ткнулся коленками в дно, поднялся на дрожащие ноги, трудно ступая вышел на берег и не сел, а скорее, свалился на землю. Сердце билось где-то возле самого горла.

Рядом лодка врезалась носом в берег. Девушка и парни выскочили, подошли к Володьке и молча сели рядом.

— Думаешь, если б ты тонул, мы бы тебя вытащили? — сказал один из парней. — Была охота из болота тащить бегемота...

— Однако характер у тебя есть, — сказал другой. — Подрастёшь — приходи ко мне, возьму подручным на печь, сталь варить.

Парни и девушки сели в лодку, оттолкнулись от берега и помахали Володьке.

Потом прибежали ребята, запыхавшиеся, потные. Володька, не поднимаясь с земли, натянул штаны.

— Чего они тебе говорили? — Лохматый махнул в сторону лодки.

— Сталь звали варить...

ДЕТСТВО, детство. Какое ты недолгое! Только три года и отходил мальчишка в школу. Потемнел Днепр. Вскипела его вода от крови и гнева. И заводские трубы уже не могли удержать потрясённое небо. Оно обрушилось на землю тяжёлое и гремящее, и в грохоте этом опалённая истерзанная земля вставала на дыбы.

Но мальчишке ещё долго-долго жить и жить свободным в свободной стране. Ведь во имя этого миллионы людей, взяв оружие в руки, грудью преградили путь фашистской нечисти.

Оборвалось мальчишкино детство на полдороге. 22 августа 1941 года погрузилась семья вместе с заводом в простреленные теплушки. Застучали колёса.

Чёрные-чёрные ночи, без единого огонька. Долгие остановки. Искалеченные бомбёжками люди. И снова дорога, дорога, печальные телеграфные столбы, шагающие по стерне и перелескам. Дни и ночи, дни и ночи... Всё жарче и жарче... Хрустит песок на зубях... Ташкент...

В РАБОЧЕМ городке, куда приехала семья Ошко, былолюдно и тесно. Заводы и фабрики переселялись на восток: в Сибирь и Среднюю Азию. Ещё не успев развер-

нуться, ещё крыши над головой не имея — вступали в строй. Всё для фронта, всё для победы!

И с этого места позвольте мне не называть больше мальчишку так фамильярно: Володькой. Отныне для меня и для тебя, читатель, он — Владимир Ошко. И не будем называть его мальчишкой. Он уже заводской парень.

В инструментальном цеху таких паренёв, как он, было человек десять, целый участок. Делали кинжалы для разведчиков.

Однажды вызвал начальник цеха ребят к себе. Только только окончился разгром фашистских войск на Волге. Героический город начинал восстанавливаться. И бригада подростков получила особый заказ. Сверхсрочный. Надо было соорудить печки-буржуйки для защитников города на Волге.

Огромными ножницами резали тонкие листы железа. К концу дня ножницы тяжелели, будто становились пудовыми. Клёпку производили ручниками, не раз ударяя по вспухшим усталым пальцам. Первые дни ночевать ходили домой, возвращались на завод чуть свет с припухшими от усталости и недосыпания глазами. Потом вообще перестали уходить с завода. Спали бок о бок в литейке на грудах формовочной земли, ещё тёплой после отливки. И всё-таки всё время тянуло в сон. Намахаешься молотком — вроде разойдёшься, а потом вдруг

опять сами собой начинают слипаться веки.

Однажды Володю, сонного, чуть не покалечило. Работал он на сверлильном станке. Задремал на мгновение. Сверло захватило рукав куртки, которая была на парнишке. Куртка старая, ветхая. Материя поползла и стала накручиваться лентой на сверло. Очнулся Володя, чувствует — тянет его кто-то. Дёрнул руку — не отпускает. Сильнее тянет. Уже и вовсе на плиту положило. Будто верёвки вокруг тела всё туже и туже стягиваются. Что случилось, не сообразит никак. Чувствует — бьётся что-то под самым боком, и не поймёт, что это сверло.

Крикнул.

Товарищ, что рядом был, подбежал. Глаза расширились от ужаса — одни зрачки, губы побелевшие дрожат. Ухватился за Володю. Тянет к себе. Неопытный: ему бы станок выключить, а он в товарища вцепился изо всех сил. Сопит. Тащит за ногу. А сверло проклятое вот-вот в тело вопьётся.

Хорошо, одна работница увидела, как парнишки борются со станком, подбежала, рванула рубильник. Обессилевшее, замерло сверло.

На всю жизнь запомнил Володя Ошко лицо товарища, который ухватил его за ногу, — лицо друга, не бросившего в беде.

В СЕНТЯБРЕ 1944 года Володя вернулся домой.

Парнишка был не золото, и

справочку ему ташкентская школа выдала такую, что у директора 63-й средней школы Днепропетровска не было большой охоты брать этого ученика. Крепя сердце зачислил он Володю Ошко с месячным испытательным сроком в 6-й «В» класс. Но Володя самовольно пошёл в 6-й «Б»,

где учился дружок с его улицы. Узнал директор об этом — только хмыкнул. Рукой махнул — пусть учится в 6-м «Б».

Тогда и встретился Володе удивительный человек — Екатерина Лаврентьевна Четнета.

Было ей не больше двадцати, сама ещё училась заочно. Но было у молодой учительницы то, что называется призванием, талантом. Она не читала нотаций, не выговарива-

ла длинно и нудно, думая всем о другом. Детские беды и радости волновали её по-настоящему. И ребята чувствовали это, шли за ней.

Время было трудное, голодное. Екатерина Лаврентьевна часто оставалась с учениками после уроков. Читали вслух, мечтали, съедали её хлеб.

Иногда ученики приходили к ней домой. Не весь класс, а самые «отпетые»: Коля Воронков, Толя Олифер, Володя. Рассказывали «по кругу», потягивая из кружек горячий кирпичный чай. Рассказывали каждый своё. Всех интересней были рассказы Екатерины Лаврентьевны. Удивительно она говорила — будто всё это с тобой самим происходило.

— А у тебя, Володя, есть какая-нибудь заветная мечта? — спросила как-то учительница.

Володя растерялся:

— Когда я был маленьким, ещё до войны, мне сталь варить хотелось. Я всё на трубы глядел. За Днепр. Дымя-ат!.. Спасу нет...

— Ну и что же... жива ещё мечта?

— Жива. Варить сталь — это же непостижимо! Варить сталь... — повторил он протяжно и улыбнулся.

Верный своей мечте, Володя Ошко, окончив школу, поступил в Металлургический институт. Там его приняли в кандидаты, потом в члены Коммунистической партии Украины.

Кончил институт, а варить сталь так и не попал. Избрали

его секретарём райкома комсомола, потом третьим секретарём Днепропетровского обкома, потом вторым секретарём.

А мечта жила. В редкие свободные минуты Володя брал старые учебники. Листал их и удивлялся: до чего же быстро он всё перезабыл.

Как секретарь обкома с жаром взялся Володя за комсомольскую стройку домны на заводе имени Петровского. Дни и ночи пропадал на стройке. Беседовал с людьми, устанавливал комсомольские посты, организовывал бригады. Если нужда появлялась — снимал пиджак, засучивал рукава и работал наравне со всеми.

А мечта жила. Однажды рассказал Володя друзьям о своём затаённом. Пришло, мол, время выбирать дорогу — куда идти, где служить людям. Нет такой профессии — руководящий работник. Только должности руководящие есть. И если ты металлург — вари металл, хлебороб — расти хлеб, если строитель — строй города.

Ничего не сказали друзья в ответ. Да и что скажешь? Это дело твоей комсомольской, партийной совести — где служить людям.

Полгода ходил Володя Ошко в обком партии, доказывал свою правоту. Просил отпустить на завод, — там его место, там его мечта, именно там он принесёт больше пользы.

Уговорил. Тепло распро-

щавшись с товарищами, Володя ушёл из уютного обкомовского кабинета на завод. В мартеновский цех. Третьим подручным сталевара. Выбрал самую трудную и самую мужественную дорогу.

Не лёгок был выбор. Семья — двое ребят. Их кормить надо, одеть, обуть. А с переходом на работу простым подручным резко снизилась зарплата. Всё, чему учили, перезабыто. Что с того, что у него звание «инженер-металлург»? Ведь он не работал инженером. Значит, надо всё начинать с азов. Чтобы руководить людьми, надо уметь делать всё, что будешь требовать от них. Надо знать печь и все процессы, происходящие в ней, не только по книгам и профессорским лекциям. Надо печь знать ладонями, жар её улавливать щекой. Чтобы понять тонкости сталеварения и стать настоящим сталеваром мало знаний, нужен опыт.

Вот и принял Володя Ошко твёрдое решение. И поступил как велела ему комсомольская совесть и высокое чувство долга перед Родиной.

Цех огромен. Крыша из гофрированного железа. Пол выложен бетонными плитами. Гремя подходят вагоны с ломом, с магнезитом, с бокситом...

Ночью звёзд над заводом не видно. Они померкли перед пламенем домен и мартенов, и далёкая луна кажется выбро-

шенной из заводской трубы.

В цеху две печи. У каждой — пять огнедышащих ртов: завалочных окон, прикрытых тяжёлыми заслонками. Через определённые промежутки времени раздаётся предостерегающий звонок, и из щелей окон с сердитым гудением вырывается пламя.

Но если присмотреться — в кажущемся хаосе, которому немало способствует подвижная таинственная игра света и теней, здесь царит порядок. Люди, управляющие удивительным процессом варки стали, не суетятся, быстро и ловко орудуют инструментом, наблюдают за показаниями приборов, берут пробу из печей.

Третьему подручному сталевара Владимиру Ошко дали лопату совковую — огромную, на длинной ручке. Начал вместе со всеми кидать в печь боксит, магнезит. Из сотни лопат — 10—15 в печь попало, остальные мимо. Хоть плачь! Руки, ноги затекают, тяжелеют, о спине и говорить нечего! Пламя слепит, обжигает лицо. Не видно, куда кидаешь! Еле-еле отстоял смену Володя. А впереди ещё сотни таких смен, а то и потруднее!

Пробу из печи берут большим ковшом на длинной ручке. Тут нужна сноровка, а не то и ковш расплавится. Когда достанут из печи жидкую сталь, раскисляют её алюми-

нием; вспыхивают яркие голубые искры. Целый сноп. Третий подручный подхватывает длинными щипцами пробу и торопливо несёт её в лабораторию. Со стороны кажется, будто в руках у него яркий фонарик.

Впервые старательно подхватывая клещами кусок раскалённого металла, Володя вдруг рассмеялся.

— Ты чего? — удивлённо спросил сталевар.

— Так просто... — Володя не сказал, что вспомнил своё детское представление о том, как варят сталь в больших кострюлях, помешивая её, как борщ, поварёшками. Ковш, действительно похожий на поварёшку, вернул Володю на мгновение в детство.

Как-то испортились в цехе обе завалочные машины. А печь не ждёт. Пришлось давать руду вручную. В глазах рябит. Слепнешь от пламе-

ни, — кучу руды не найти. Потом наступает самый страшный момент — мёртвая точка. Как у бегунов. Когда сердце, кажется, вот-вот пробьёт ребра, воздуху не хватает, ноги дрожат и становятся слабыми, будто ватными. О руках и говорить нечего, — их просто не чувствуешь, нет рук.

Вот когда хочешь бросить лопату и уйти куда-нибудь в тень, в тишину степи, поваляться в траву, закрыть глаза и так лежать, лежать, лежать недвижно!..

«Если ты... сейчас бросишь... лопату — конец... Люди-то ходят... Работают... Люди-то... работают...»

Преодолевая необычную лому и усталость, Володя докидал вместе со всеми руду. Еле-еле отстоял смену.

На другой день побросал полчасика магnezит, — спину будто огнём обожгло, будто камень раскалённый приложили. Всё-таки упрямый, не ушёл до конца смены.

В раздевалке душевой долго не мог стянуть пропотевшую рубашу. Мешала острая боль в спине. Несколько минут воевал с рукавами. Снял, наконец. Помылся в душе кое-как. Где уж тут мыться, когда каждое движение болью отдаётся во всём теле. Надеть рубашу самостоятельно так и не смог. Товарищи помогли.

Две недели провалялся в постели, стараясь не вертеться, чтобы не чувствовать острой боли в спине. Отворачивался, чтобы не видеть укоризненных взглядов жены.

Через две недели, ещё не окрепнув, похудевший и бледный, он вернулся в цех.

Туго пришлось бы Володе, если б не товарищи. Они оказались людьми чуткими и ненавязчиво, без проявления жалости, как бы мимоходом, делали за него всю тяжёлую работу. Хочу в знак уважения к ним назвать их имена: Вася Гередян — сталевар, Виктор Чернявский — первый подручный, Борис Пузько — второй подручный.

Освоив профессию третьего подручного сталевара, Володя стал работать вторым, потом первым. Окрепили и мускулы, огрубела кожа, привыкла к жару. Глаз стал намётанным, зорким. Разговор — до предела коротким. К себе Володя по-прежнему относился без снисхождения. Ошибок не прощал, если что не получалось, начинал заново, пока голова и руки не освоятся с новым делом.

И, наконец, в дневнике Володи Ошко появилась запись:

«Сегодня, в ночь с 17-го на 18-е стоял впервые сталеваром».

Зима пришла к нам
 с опозданием,
 Как опоздавший ученик,
 Стучится в двери
 с оправданием...
 А мягкий снег к земле
 приник.

Тепло одел сады и парки,
 И крыши кистью побелил,
 Искрится снег на солнце
 ярком
 И всё кругом запорошил.

Лина ЗАКС
 6-й „Б“ класс, 305-я школа

В Р А Ч

А лыжнй убегает прочь.
 Ночь.
 Где-то во мгле
 Ветер, спрятавшись в лес,
 Стелется по земле.

И гудят провода в тиши.
 Повернуть бы сейчас назад.
 Слышишь, ветер уже
 шумит?
 Больно режет мороз глаза.

И фонарик погас в ночи —
 Он не хочет идти с тобой.
 И сурово снежок молчит
 Обжигающей белизной.

Но назад повернуть
 нельзя! —
 Сосны в гневе тебе грозят,
 Ветер волосы теребит:
 «Там мальчишка в селе
 не спит».

Мальчик бредит уже давно.
 Мать склонилась над ним
 в слезах
 Занавешенное окно.
 И тревога в людских
 сердцах.

Видно, врач не придёт
 теперь:
 Ветер, вьюга, страшная
 ночь!..
 Тихо скрипнула в сенях
 дверь,
 Он пришёл, кто может
 помочь.

И мальчишка заснул
 и спит.
 Улыбается и молчит.
 Снятся люди ему хорошие,
 На врача такие похожие.

Маша ШВЕЧИКОВА
 9 класс

Мексика—Лос-Анжелос

(Из записок капитана дальнего плавания)

Самым молодым моряком на нашем корабле был Алёша Арсеньев. Работу свою Арсеньев выполнял добросовестно, а всё свободное время читал. Очень любил он книги про путешествия, а ещё больше — про индейцев. Над ним даже подшучивали, что и в торговый флот-то пошёл он специально, чтобы живого индейца увидеть.

— Не унывай, Алёша, — говорили ему, — вот дойдём до Америки, отыщем тебе индейца, покажем.

Вскоре мы отдали якоря в мексиканском порту Мансанильо, небольшом городке, окружённом высокой горной грядой.

Мексика встретила нас очень приветливо. Причалы были заполнены народом, со всех сторон раздавались приветствия, поздравления с благополучным прибытием. Можно было подумать, что в порт пришёл не чужой корабль, что на его борту не незнакомые моряки из далёкой страны, а свои — родные, близкие люди. Такие встречи всегда наполняют чувством гордости за свою страну, которую любят и знают во всём мире.

— Ну вот, Алёша, — сказал Арсеньеву наш боцман дядя Вася. — На этой земле ещё за три тысячелетия до нашей эры жили индейские племена. А вот встретится ли тебе сейчас настоящий индеец — кто знает...

Мексика — страна древняя. Много веков правили страной племена сначала майя, потом ацтеков. До сих пор сохранились в стране величественные развалины древних храмов и пирамид. Ацтеки умели добывать и обрабатывать медь, бронзу, драгоценные металлы, бы-

ли большими мастерами в земледелии, рыболовстве.

Но в 1521 году отряд конквистадора Фернандо Кортеса разгромил государство ацтеков, уничтожил столицу Теночтитлан и объявил Мексику собственностью испанской короны.

Триста лет находилась страна под испанским гнётом. За это время от жестокой эксплуатации и разных эпидемий из каждых десяти индейцев уцелело только двое. Но никогда не прекращала Мексика своей борьбы за независимость и в 1921 году добилась победы, прогнав испанских поработителей.

Но европейских колонизаторов сразу же заменили американские соседи. Они начали захватническую войну против Мексики и к 1848 году отняли половину её территории: Калифорнию, штаты Аризону, Техас, Неваду, Колорадо и Нью-Мексико. С тех пор за американцами в Мексике укрепилась презрительная кличка «гринго». Войска США носили в то время зелёную форму и слово «грин» («зелёный») означало: «идут американцы».

Даже закончив войну, американцы не оставили Мексику в покое — они наводнили страну своими товарами, не дают строить ей своих заводов. Мексика, владеющая богатейшими запасами нефти, свинца, серебра, почти не имеет своей обрабатывающей промышленности. В Мексике вы почти не найдёте товаров отечественного производства.

О своей родине мексиканцы говорят с обидой и болью:

— Бедная Мексика! Ты так да-

лека от бога и так близка к Соединенным Штатам!

Мансанильо — совсем небольшой порт: всего два деревянных причала. Но и здесь, куда ни глянь, всюду тебя преследует надпись: «USA» — «Соединенные Штаты Америки».

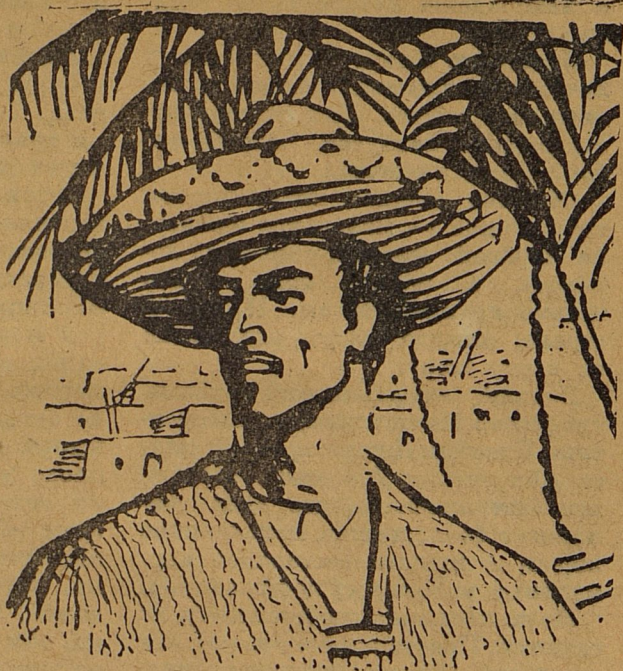
На мешковине и на ящиках, в которых упакованы грузы, на стенах складов, на спичечном коробке в руках портового рабочего — всюду «USA». На огромных рекламных огромными буквами написано: «Американ», то есть американское. Ходишь, смотришь и думаешь: а что же здесь мексиканское? В порту, — пожалуй, только сами мексиканцы, подвижные, живые, с блестящими, похожими на маслины, глазами.

В городских магазинах полки завалены товарами, но покупателей почти нет. И товары все американские: автомобили, радиоприемники, обувь, посуда, мебель, одежда и даже широкополые мексиканские шляпы — сомбреро сделаны в Америке... В книжных магазинах продаются американские книги, в кинотеатрах демонстрируются американские кинофильмы.

Так, завоёвывая пядь за пядью, борется Америка с национальными особенностями подвластных ей государств. Но народ всё равно живёт своей жизнью. На народных обычаях не напишешь «Американ», песни не прикроешь знаком «USA».

Владимир Маяковский, посетивший Мексику, назвал её «Страной гюлодной экзотики». Очень образные слова!

Вот прямо на мостовой сидит пожилая женщина. Перед нею из двух кирпичей и консервных банок сооружена «плита». Женщина печёт национальные мексиканские

пресные лепёшки и тут же продает их прохожим, таким же беднякам, как и она сама. Неподдалёку расположился фокусник. Он глотает огонь и втыкает в своё тело железные шпильки. Вокруг него столпились детишки.

Вдоль приморского бульвара шагает мексиканец — стройный высокий юноша. На нём домотканое шерстяное одеяние — сарапе, кусок материи с прорезом для головы, серые панталоны, широкополое сомбреро. Сарапе служит не только одеждой, но и одеялом и подстилкой. Большинство женщин, несмотря на жару, носит длинный тёмный шарф-рибосу. Рибоса заменяет им и головной платок, и пояс, в ней носят грудных детей, его привязывают к спине корзину.

Разумеется, на богатых мексиканцах и мексиканках не увидишь ни сарапе, ни рибосы, у них есть европейские костюмы, пальто, платья.

В Мексике большая часть земли принадлежит нескольким крупным помещикам, а миллионы кре-

стьян не имеют ни клочка земли и вынуждены батрачить за жалкие гроши.

Крестьяне живут в глинобитных лачугах с плоской крышей и окнами без стёкол. Лачуги окружены рядами кактусов. Чем не забор? Даже колючий!

Обычное «меню» мексиканских тружеников — маленькое блюдечко варёной фасоли, две-три лепёшки, а чашка кофе — это только по праздникам. И это в стране, откуда кофе развозится по всему миру!

Видный американский учёный профессор Мичиганского университета Престон Джемс в своей книге «Латинская Америка» вынужден был признать, что «для громадного большинства мексиканцев жизнь в нищете составляет нормальные условия существования».

Но мексиканцы по-прежнему не сдаются. Просто поражает, как эти люди не теряют бодрости духа, как они сохраняют способность от всей души веселиться.

— Слезами горю не поможешь, — сказал нам один мексиканский батрак-подёнщик. — Мы верим, что и на нашей улице будет праздник. Сумели же вы завоевать себе счастливую жизнь!

Покидали мы Мансанильо с каким-то странным чувством. И радостно было, что здесь, далеко от берегов родной земли, живут наши хорошие друзья, и горько было за них, тяжело было видеть этих гордых людей в бесправии и нищете.

Алёша провожал уходящий за горизонт берег, наверное, грустнее всех. Он так и не встретил здесь индейца.

— Ничего, Арсеньев, — утешали его матросы, — следующий порт — Лос-Анжелос! Там-то наверняка встретишь!

Впрочем, океан вскоре рассеял у нас грусть.

После сорока восьми суток тропической жары мы радостно встретили первые порывы свежего ветра. Хорошо подставить ветру разгорячённое лицо, всей грудью пой-

мать его прохладное дыхание. Все, кто только мог, выбрались на открытую палубу, чтобы принять живительную воздушную ванну.

Вдруг барометр резко начал падать. Горизонт заволокло чёрными тучами. Ох уж эти чёрные тучи на море!

Ветер с севера крепчал. Океан запенился, одна за другой побежали волны. На океанских просторах они растут быстро, как сказочные богатыри.

В море всегда так: долгое плавание в штилевую погоду делает моряка несколько беспечным. Мы не оказались исключением. Когда шторм расходился всерьёз, все плохо укреплённые предметы стали вести себя самым неподобающим образом. Из моего письменного стола пулей выскочили ящики, которые я забыл закрыть на замок. Вместе со стульями, грохоча, они метались по каюте. Неистово хлопали дверцы шкафов. А что творилось на камбузе! Кастрюли, сковородки, дуршлаги, ещё недавно покоившиеся в шкафу и на полках, пустились в буйный пляс: они подпрыгивали, сталкивались, отскакивали друг от друга, и наш кок Бандурко тщетно пытался их поймать...

— Останемся, видать, сегодня без горячего обеда, — мрачно предрекал матрос Иванова.

Трудно, очень трудно коку работать в шторм, хотя плита специально оборудована на этот случай. Поверх неё сделана железная решётка, в каждое отделение которой можно вставлять кастрюли: в камбузе довольно тесно — как ни повернись, куда ни ступи, — рядом горячая плита. А волна так и норовит швырнуть кока именно на плиту, или опрокинуть на него кастрюлю с кипящим супом.

В столовой при шторме тоже принимаются меры предосторожности. К столам прикрепляются особые деревянные решётки, в отделения которых ставят супницы, тарелки, стаканы, поэтому они могут разгуливать только в своей загородке, а не по всему столу.

Буфетчица нарочно смачивает ска-
терти — на мокрой поверхности
предметы не так скользят.

Но в жестокий шторм не помо-
гают никакие ухищрения, и люди
едят холодные консервы прямо из
банок. Три дня, пока бушевал Ти-
хий океан, мы питались консерва-
ми. За это время на корабле не
произошло ничего особенного, если
не считать того, что по иронии
судьбы нам пришлось спасать
спасательную шлюпку, сорванную
ветром.

На четвёртый день с восходом
солнца ветер внезапно стих. Но
океан утихомирился не сразу. На-
чалось то, что моряки называют

мёртвой зыбью. Воздух как бы за-
стыл — ничто не шелохнётся.
Волны пропали, море стало глад-
ким — нет ни пены, ни игривых
барашков. А пароход знай валит с
борта на борт, словно ваньку-
встаньку.

На лице Алёши — полное недо-
умение, но «старикам» такое не в
диковинку.

— Это только кажется, что вол-
ны исчезли, — объясняет дядя
Ваня. — Они теперь в глубину
ушли. Он, океан, не сразу успоко-
ится.

Как бы в подтверждение слов,
корабль качнуло и перекинуло с
левого борта на правый.

Но вот волны окончательно уго-
монились, и перед нами открылись
живописные берега Калифорнии.

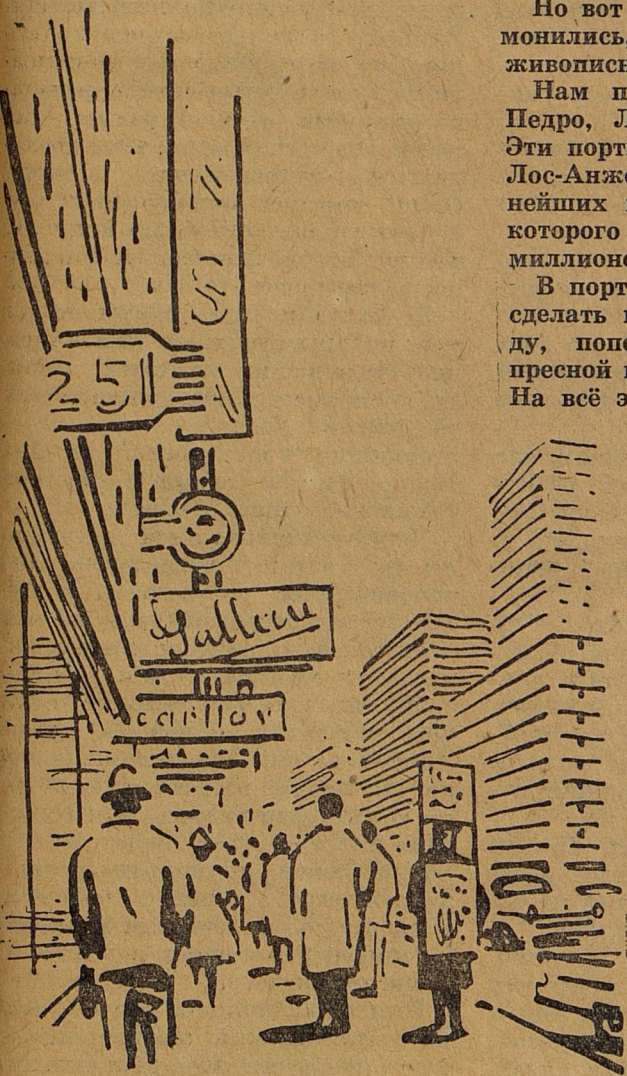
Нам предстояло зайти в Сан-
Педро, Лонг-Бич и Вельмингтон.
Эти порты являются пригородами
Лос-Анжелоса, одного из круп-
нейших городов США, население
которого достигает почти двух
миллионов.

В порту Сан-Педро нужно было
сделать кое-какой ремонт парохо-
ду, пополнить запасы топлива,
пресной воды и свежих продуктов.
На всё это ушло три недели, так

что нам с избытком хва-
тило времени, чтобы по-
бывать в нескольких
блилежащих городах и
посмотреть, как живут
здесь люди.

По красивым и благо-
устроенным централь-
ным магистралям Сан-
Педро движется беско-
нечный поток автомоби-
лей. По вечерам улицы
залиты разноцветными
огнями реклам. Куда ни
взглянешь — везде яр-
кие витрины магазинов,
кричащие вывески ба-
ров, ресторанов, танце-
вальных клубов и дру-
гих увеселительных за-
ведений.

Но где уж тут искать
индейца, чтобы пока-
зать его Алёше!

Пошли туда, где живут победнее. Совсем рядом — узкие, вонючие улочки, мрачные трущобы. Вблизи Сан-Педро мы попали в странный посёлок: тысячи малюсеньких фанерных бараков длиной в три и высотой в полтора-два метра, очень похожих на вагонетки, ютятся вплотную друг к другу. Здесь живут рабочие нефтяных промыслов. Но индейцев нет и среди них.

Сан-Педро — старинный город. Когда-то индейцы были здесь коренным населением. И вот их не осталось. Ни одного. Их или истребили, или выселили оставшуюся часть в так называемые «резервации» — специально отведённые для индейцев пустынные, бесплодные районы, выезд откуда возможен только по особому разрешению властей.

К началу колонизации в Северной Америке насчитывалось около двух миллионов индейцев. К 1930 году уцелело всего 330 тысяч.

И всё же в Сан-Педро сбылась мечта Алёши Арсеньева: увидел он настоящего индейца! Наш давний знакомый портовый грузчик Том Перкинс дал нам желанный адрес. Идти пришлось довольно далеко.

Когда мы, наконец, пришли, нас удивила необыкновенных размеров витрина, в которой было выставлено изображение индейца в полном боевом облачении с копьём и томагавком.

У нас взяли плату за вход. Стены зала, куда мы вошли, были увешаны копьями, щитами и другим военным и охотничьим снаряжением. Тут же висели разнообразные головные уборы вождей индейских племен. Настоящий музей!

В зале уже собралось 45—50 американцев, большинство — военные. Молодой индеец играл на барабане. Другой — пожилой, в очень длинном пёстром костюме, украшенном перьями, с перьями в волосах, с крупными серьгами в ушах и с серебряной монетой, вдетой в ноздри, исполнял индей-

ский танец «Пипи-ква», что в переводе означает «Старая трясогузка». Танцор искусно подражал движениям птицы. Нагнув голову, он делал небольшой круг, топтался на месте, перебегал с места на место, время от времени по-птичьи вскрикивая.

Зрители-американцы громко разговаривали, смеялись и всем своим видом показывали брезгливое пренебрежение к правнукам «Ястребиного когтя».

Некоторые дикими возгласами подбадривали танцующего индейца, а один подвыпивший офицер и сам пустился в пляс.

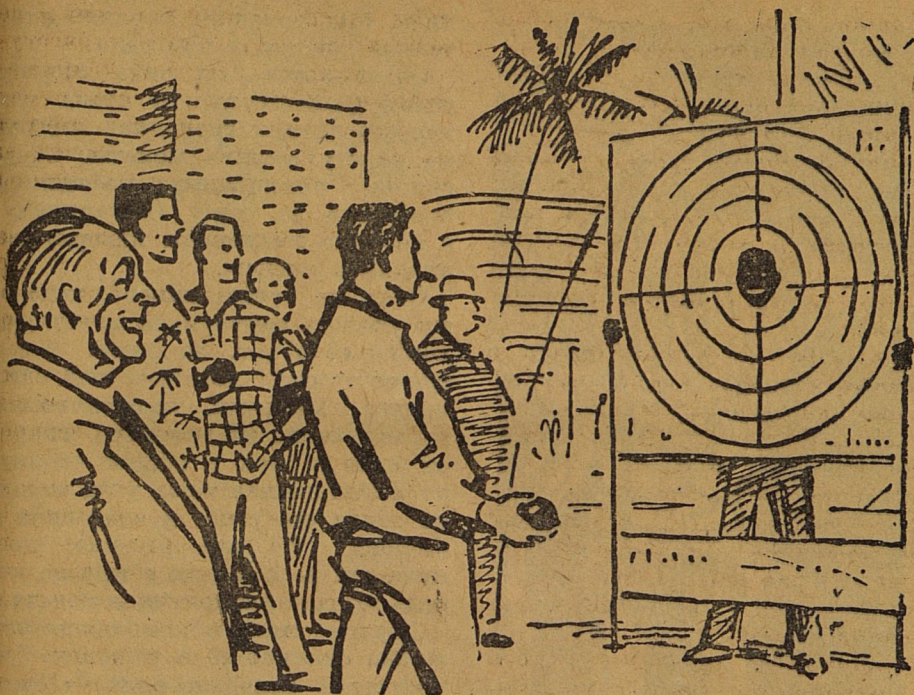
Танец окончился. Несколько зрителей бросили на пол монеты. Индеец с не свойственной его предкам жадностью кинулся подбирать их, а американцы развлекались тем, что старались ему помешать, прикрывая монету подошвой здоровенных ботинок. Один морской офицер наступил на руку ползающему по полу индейцу. Тот вскрикнул, и это вызвало взрыв хохота.

С болью в душе смотрели мы, как издеваются янки над индейцем. Гнев душил нас, хотелось скорее уйти отсюда. Да, сбылась мечта Алёши: увидел он индейца из старинного индейского города Сан-Педро. Но что сделала с ним американская «цивилизация»!

Через несколько дней мы увидели ещё одну унижительную для человеческого достоинства картину, только жертвой был не индеец, а представитель другой угнетаемой цветной нации.

Мы шли по размягчённому солнцем асфальту одной из улиц Лонг-Бича. Ещё издали донеслось до нас дикое гоготанье, похожее на то, которое недавно так возмутило нас в «индейском музее». Подойдя ближе, мы увидели ширму с небольшим, в размер человеческой головы, отверстием в центре. За ширмой, проткнув в отверстие лицо, стоял негр.

Нам объяснили, что за несколько центов всякий желающий может приобрести пять довольно уве-

систых мячей, чтобы проверить свою меткость, бросая их в лицо негра. Расстояние до «цели» — пятнадцать шагов.

При каждом удачном броске столпившиеся вокруг зеваки заливаются смехом. Тот кто наберёт нужное число очков, получает приз и дополнительно несколько мячей. Негр, изображающий мишень, при каждом попадании улыбается, обнажая белоснежные зубы. Он работает, поэтому обязан доставить «джентльмену» полное удовольствие — этого требует хозяин.

Несколько дней спустя в Сан-Педро мы видели, как на трамвайной остановке избивали негритянского юношу. Весь окровавленный, он со стоном упал. Толпа дико заревела, заулюлюкала и с остервенением продолжала терзать распластанное на асфальте тело. Особенно зверствовал один янки: он всё время норовил ударить негра ногой по голове...

Когда толпа, совершив своё страшное дело, разошлась, присутствовал, наконец, к исполнению своих

обязанностей полицейский. Он подошёл и грубо толкнул ногой негра:

— Эй ты, падай, убирайся отсюда!

Юноша не шевелился... Подозвав с панели несколько негров, полицейский приказал:

— Уберите эту чёрную собаку!

Негры поспешно унесли несчастного.

Неподалёку старушка-негритянка, боязливо поглядев на полицейского, рассказала нескольким прохожим, тоже неграм:

— Он нечаянно задел джентльмена, и не успел извиниться, а они начали его бить...

Мы замедлили шаг, чтобы дослушать рассказ старушки.

Окружившие её негры, не зная, что мы советские люди, с опаской поглядывали на нас — мы были для них только «белыми». А подойти к ним и поговорить по душам значило навлечь на них новую опасность: вблизи маячил шпик.

Эта печальная история происходила всего в нескольких шагах от

памятника Аврааму Линкольну, президенту США, добившемуся закона об уничтожении рабства.

Закон, подписанный Линкольном, не отменён, однако негры обречены «американским образом жизни» на тяжёлое и унижительное существование.

— Живи Линкольн в наши дни, — задумчиво глядя на памятник, сказал Алёша, — ему бы пришлось повоевать с этими малышами. Ишь, понавели: «Только для белых», «Чернокожим вход воспрещается».

Однажды, прогуливаясь по одной из центральных улиц «города ангелов», как называют Лос-Анжелос его богатые жители, мы наблюдали такую картину.

Прямо посреди дороги копошилась куча мальчуганов, одетых в грязные лохмотья. Ребята визжали, с остервенением дёргали друг друга за руки, за ноги, царапа-

лись. Мы подошли поближе и тут только поняли, в чём дело.

Оказывается, из окна второго этажа фешенебельного отеля три хорошо одетых господина кидали на дорогу мелкие монеты. Оборванные истощённые ребятишки бросались за этим «подаванием», а богатые молодчики наверху заливались смехом.

Один из «счастливых», которому удалось заполучить монету, положил её в рот, за щеку. В это время из окна полетела ещё одна монета. Мальчик, задержавшись на мгновение на тротуаре, кинулся было за нею в общую свалку, но выскочившая из-за угла машина сбила его с ног и отбросила в сторону. Из рта ребенка хлынула кровь, и вместе с нею на панель выпала злополучная монета...

Другой маленький оборванец жадно схватил её и умчался. Три господина закрыли окно. «Представление» окончилось...

А однажды ночью мы стали свидетелями другой страшной картины.

Наш корабль стоял у причала порта Велмингтон, принимая на борт пресную воду.

Вдруг со стороны складов, расположенных вблизи, донёсся душераздирающий крик. Многие члены команды, в том числе и я, бросились туда.

Подбежав к складу, мы увидели большую группу ребят, лихорадочно разбиравших груды ящиков, из-под которых слышались глухие стоны. Рядом стоял невысокий человек с сигарой в зубах и яростно ругался.

— Щенки, не умеете работать! — сумели мы разобрать. — Я не возьму вас больше, если сорвёте мне приём груза! Ни цента не заплачу.

Бессвязные слова испуганных ребятишек объяснили нам, наконец, какая страшная трагедия разыгралась только что у причала торгового порта.

Нищие маленькие американцы приходят каждый вечер в порт, чтобы получить какую-нибудь ра-

боту на ночь. Чаще всего им поручают складывать в высокие штабеля наполненные товарами ящики. В эту ночь измученные, уставшие ребята сложили ящики не достаточно аккуратно, и те обрушились, придавив своей тяжестью одного из мальчиков.

Нечего и говорить о том, что мы в эту минуту пришли на помощь пострадавшему. Но когда он был,

наконец, освобождён, жизнь в ребёнке еле теплилась. Трудно сказать, остался ли он жив...

И совсем другою была радость, когда мы покидали порты Америки. Радовались мы только тому, что, наконец, вырвались!

— Здравствуйте, волны! Здравствуй, океан!

Как свободно дышится в твоих просторах!

Союз нерушимый...

(К фотоснимкам на 2-й и 3-й страницах обложки)

СОРОК ЛЕТ назад, 30 декабря 1922 года, I-й Всесоюзный съезд Советов принял Декларацию и Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик.

Советский Союз — детище великого Ленина. Владимир Ильич смотрел далеко вперёд. Он предвидел и трудности мирного строительства, и суровые схватки с врагами на полях войны.

Время подтвердило гениальное предвидение вождя. Объединённые в единое государство народы Советского Союза не только сокрушили врагов, посмевавшихся вторгнуться с оружием, но и подняли нашу страну на такие высоты, до которых даже хвальной Америке тянуться не дотянуться.

На обложках журнала помещены фотографии. На каждой из них запечатлён какой-то уголок Советской страны. Все вместе и каждая в отдельности они говорят об успехах нашей Родины.

Вот флаг над льдиной. Это станция в Ледовитом океане «Северный полюс 10». А вот Чёрное море. Рыбаки вышли на промысел. На борту судна много иностранцев. Они приехали в СССР, чтобы перенять опыт наших рыбаков.

Плотина перегородила богатырскую реку — вырос электрический гигант — Кременчугская ГЭС. «Могучий Днепр работает на коммунизм!» — говорят строители.

А разве не работает на коммунизм вот эта новая нефтяная вышка в Татарии? А вот эта колонна автомашин с зерном в Саратовской области? А вот этот город на берегу Даугавы — красавица Рига, которая славится сложным машиностроением?

Советский человек — повелитель природы. Посмотрите, как надёжно укрыл он лесной полосой посевы кукурузы в Подмосковье, какой город воздвиг на северной окраине Родины — Норильск, какой виноград вырастили в Армении!

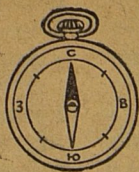
Этот бассейн — «черепаха» предназначен для купания детворы. Его построили в Голодной степи, где совсем недавно негде было напиться даже верблюду.

В Казахстане распахано 28 миллионов гектаров высокоурожайных целинных земель... Но есть там и другая «целина», которую начали поднимать — животноводство. Ведь на пастбищах горного Казахстана можно разместить три Франции. Какое приволье для овец!

В Ферганской долине растёт замечательный хлопок. Растёт не сам по себе, а выращивается. Вот напали на хлопок вредители, и на защиту растений вышла специальная машина.

Дорога вьётся среди снежных гор, спускается в цветущую долину. Здесь благоухают пальмы, чайные кусты, посевы кукурузы. Это советская Грузия. Над ней, как и над всеми братскими республиками Советского Союза гордо реет красный флаг СССР. Тот самый флаг, который советский народ установил над Северным полюсом, который первым поднял в космические высоты.

Пёстрые заметки

У Нового года своё расписание

Ох и много волнений у ребят в канун новогоднего праздника! Надо на ёлку игрушек понаделать, украсить лесную красавицу, потом себе для весёлого карнавала костюмы сшить! Хлопот полон рот!

А думаете, у Нового года меньше? Ого! В тысячу раз больше. Земля-то большая, стран различных на ней, народов — сотни, а он, Новый год, — один. И всюду нужно поспеть. Вот и составил себе Новый год расписание.

Мы ждём, не дождёмся 31 декабря. А в Германской Демократической Республике огни на ёлках ребята зажгли уже 24-го. Зажгли и открыли весёлые праздники для... своих родителей. Такой уж там обычай: приглашать в школы пап и мам, а после концерта самодеятельности раздавать им подарки, сделанные своими руками.

Тем временем румынские ребята вовсю готовятся к... пахоте. Идёт по заснеженному селу мальчик с длинным бичом — главный пахарь. За пахарем — другие ребята. Останутся они у чьей-нибудь хаты и запевают песню — желают хозяевам хаты урожайного года. В ответ на добрые пожелания несут ребята яблоки и пироги.

— Быки мои, — командует тогда пахарь, — шевелитесь быстрее!

Ребята мычат, подражая буйволу, пахарь щёлкает бичом, «нажимает» на невидимые рукоятки плуга, и все идут дальше по селу.

А недалеко в болгарских сёлах звучит в этот день весёлая «Суровачка»:

*Сурава, сурава, гудина
Живо здорово догодина!*

Суровачка — это гибкая веточка дерева — кизила, который считается в Болгарии символом здоровья.

Соберутся ребята и идут весёлой ватагой «суровкать» соседей. Двери всех домов открыты для желанных гостей. Спойут ребята свою весёлую песенку — и что тут начнётся!.. Гости стараются щёлкнуть хозяина и хозяйку суровачкой по спине, те убегают, изворачиваются. Ага! Попало, попало хозяину! Теперь давай выкуп — кусок пирога или горсть конфет!

Отпразднует у нас Новый год весёлые праздники и торопится в Китай. Там его называют «Чунцзе», что означает «праздник весны». Ведь в Китае значительно теплее, чем у нас!

В конце января китайские ребята с нетерпением ждут новолуния, и, как только появится на небе серп молодой луны, — на улицах загремят барабаны, заукают выстрелы хлопушек, запоёт китайская скрипка хуцинь, начнётся карнавальный шествие. Над головами гуляющих поплывёт, извиваясь, длинный жёлтый дракон. Он хочет проглотить солнце, чтобы на всей земле наступила ночь, но солнце выскальзывает из его страшных зубов, и дракон в бешенстве несётся за ним по улицам. А в воздухе сверкает фейерверк, рвутся сотни разноцветных ракет, крутятся и шипят огненные круги и звёзды. Три дня празднуют «Чунцзе», и потом у ребят начинаются каникулы.

Столица Демократической Республики Вьетнам — город Ханой к новогоднему празднику превращается в город-сад. По улицам

прямо в кадках стоят персиковые деревья. На всех площадях города установлены бамбуковые качели. Ни одна семья не сядет за новогодний стол без букета цветов. Особенно много в городе нарциссов. Их даже специально выращивают так, чтобы они распустились как раз в канун Нового года. Устраиваются конкурсы на самый лучший нарцисс. А в первый день Нового года у вьетнамцев принято ходить в гости, и по старинному обычаю дарить апельсины.

Определённой даты Новый год во Вьетнаме тоже не имеет и приходится по лунному календарю на конец января или начало февраля — на время короткого отдыха крестьян после посадки риса.

Посмотрит Новый год в своё расписание и задумается: «Так... сюда я пришёл точно: к посевной. А где я должен быть во время уборки урожая? Ага! В Южной Африке», — и спешит туда, к жителям Южной Африки, зулусам.

Как раз поспел! Урожай созрел, и всё племя уже выстроилось полукругом на широкой площадке. Вперёд выбегает предводитель племени и начинает танец: гигантскими прыжками он движется мимо затаивших дыхание сородичей и вдруг со всего размаха бросает на землю большую спелую тыкву. Она раскалывается, и всё племя приветствует радостными криками это событие. Наступил Новый год! Можно собирать фрукты и овощи,

угощаться плодами нового урожая!

Повеселится Новый год в жаркой Африке и садится решать сложную задачу: когда ему на остров Бали прибыть следует? Дело в том, что на острове Бали новогодний праздник приходится каждый раз на разные месяцы. По принятому здесь календарю год длится всего 210 дней. Вот и попробуй угадать: когда он наступит на этот раз? Но зато готовятся здесь к празднику задолго. Целых две недели жители острова трудятся над созданием двухметровых колонн из подкрашенного риса, — эти съедобные колонны предназначены в дар «богам». Но когда праздник кончается, колонны возвращаются в дома балийцев. Рис идёт в пищу людям, а «богам»... посмотрели — и хватит с вас!

Вот и получается, что Новый год «работает» круглогодично. К

одним — зимой, к другим — весной, летом, осенью. Снова зима приближается — и спешит он к индейцам навахо. У них первый день нового года приходится на 22 декабря — день зимнего солнцестояния.

И здесь праздник! На лесной поляне полыхает огромное пламя. Люди танцуют вокруг костра. Но вот появляются 16 самых сильных мужчин. В большой корзине они несут огненно-красный шар. Под торжественный аккомпанемент шар медленно поднимают верёвкой на вершину высокого столба.

— Родилось новое солнце! — кричат индейцы. — Пришёл Новый год!

А Новый год уже снова поглядывает в своё расписание. Куда он поспешит теперь? Ура! К нам! Скоро и мы радостно воскликнем:

— С Новым годом!

Редкий случай

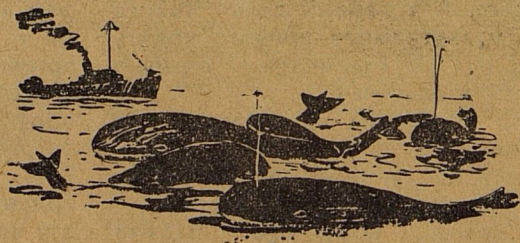
Много интересного приходится видеть китобоям в морях и океанах.

Наблюдатель китобойца заметил как-то большое стадо кашалотов. Судно устремилось на сближение. Гарпунёр, уже подошедший к пушке, неожиданно крикнул в микрофон: «Стоп, машина!» Оказалось, что на воде лежала самка в окружении кашалотов. Два кита подпирали её с обеих сторон. Когда китобоец подошёл совсем близко, то с него заметили маленького

китёнка, лежащего на спине у самки. Вскоре позади неё всплыл ещё один кашалотик, только что родившийся. Он лежал совершенно без движения. Самка подплыла, приподняла его своим телом, и он сде-

лал слабый вздох, выпустив первый в своей жизни маленький фонтан. Самку снова окружили крупные кашалоты. Первый китёнок резвился среди них, а второй лежал у матери на спине.

Гарпунёр так и не сделал ни одного выстрела.

...к началу 1961 года в нашей стране насчитывалась 381 тысяча библиотек с общим книжным фондом почти в два миллиарда экземпляров? Это в сорок раз больше, чем было книг во всех библиотеках царской России накануне первой мировой войны.

...в нашем городе и пригородах имеется 50 парков, 140 садов, 340 скверов, 100 бульваров, 770 озеленённых улиц, 17 лесопарков? На каждого жителя нашего города приходится 16 квадратных метров зелёной площади.

...библиотека Академии наук СССР, находящаяся в нашем городе, является старейшей библиотекой страны? В 1964 году она будет отмечать 250-летие своего существования.

...ни в одной стране книжные богатства не были так широко доступны детям?

Знаешь ли ты, что?

Только в нашем городе сейчас насчитывается 39 государственных детских библиотек.

...в нашей стране уже давно ликвидирована неграмотность? Сейчас на каждые 10 тысяч жителей у нас приходится 120 студентов (в 15 раз, больше чем в 1914 году), а в США — только 111, во Франции — 44, в Англии — 29.

...протяжённость нефтепровода «Дружба», который соединил в этом году нефтяные вышки Поволжья с нефтеперерабатывающими предприятиями Чехословакии, Польши, ГДР и Венгрии, составляет почти 5 тысяч километров? Он превысил самые крупные нефтепроводы земного шара: американский «Большой дюйм» (2190 километров) и «Трансаравийский» (1800 километров).

...кино проникло в самые отдалённые уголки нашей страны? В городах сейчас насчитывается свыше 19 тысяч кинотеатров и клубов на 4,8 миллиона мест. В сёлах имеется более 98 тысяч киноустановок. За последние 10 лет число кинозрителей увеличилось более чем в три раза.

...Парон Мартиросовне Погасян, проживающей в селе Верхний Джамбарк Красносельского района Армянской ССР, исполнилось в этом году 111 лет. У неё 37 внуков в возрасте от 11 до 42 лет и 81 правнук. Парон Мартиросовна хорошо видит и слышит, она трудолюбива и охотно помогает дома по хозяйству.

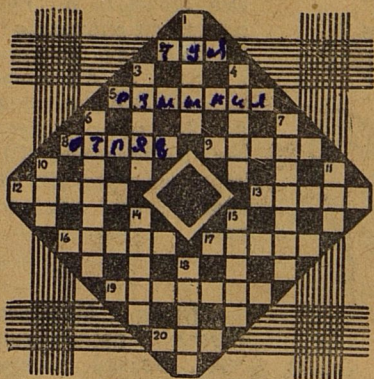

...деревья — это своеобразные пылесосы? На площади в один гектар 400 тополей за одно лето задерживают более 300 килограммов пыли. Листья клёна задерживают пыли в два раза, сирени в три раза, вяза — в шесть раз больше, чем листья тополя.

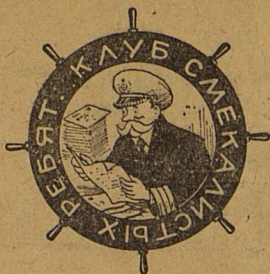

КРОССВОРД

(Составили Сафа Юргуз
и Лёва Перельман)

Отдел ведёт В. Акентьев

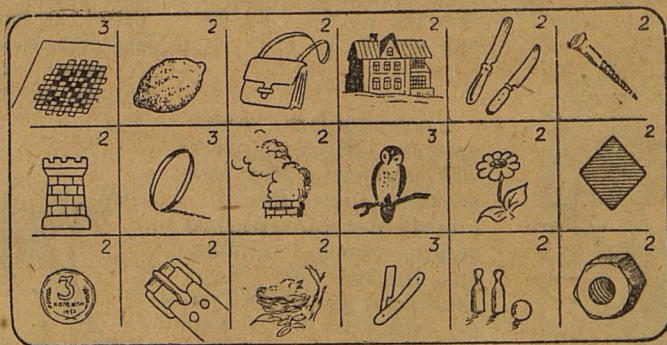

По горизонтали. 2. Хвойное дерево. 5. Европейское государство. 8. Пионерский коллектив. 9. Населённый пункт. 12. Часть огнестрельного оружия. 13. Точка пересечения преломлённых лучей. 16. Рыба. 17. Один из жанров литературного произведения. 19. Столица государ-

ства в Азии. 20. Волшебник, чародей.

По вертикали. 1. Один из самых твёрдых минералов. 3. Древесная порода. 4. Плод цитрусового дерева. 6. Вид городского и междугородного транспорта. 7. Архитектурное сооружение, являющееся опорой какой-либо части здания или служащее декоративным целям. 10. Насекомое. 11. Строительный камень. 14. Ограда. 15. Вид спортивной борьбы. 18. Огородная культура.

ГОВОРЯЩИЕ КАРТИНКИ

Взяв по несколько букв из названия каждого предмета, изображённого здесь, составьте пословицу. Цифра в правом верхнем углу квадрата показывает, сколько букв нужно взять из названия соответствующего рисунка, но при этом буквы нужно брать не какие угодно, а только *рядом стоящие*. Например, первый рисунок — «кроссворд»; это

слово даёт шесть групп из трёх рядом стоящих букв: кро, рос, осс, ссв, сво, вор, орд; второе слово — «лимон» — даёт четыре группы из сдвоенных букв: ли, им, мо, он... Ваша задача — выбрать в каждом случае одно сочетание так, чтобы выписанные вами буквы образовали пословицу.

ЗАДАЧА БУКВ

(Составил Серёжа Дмитриев,
67-я школа)

Б	В	О	Л	Е	К	М	Е	Р	А	В	Е
Е	Д	З	В	А	Л	О	С	И	И	Н	А
Л	С	И	А	П	З	А	А	Т	Я	О	П
О	Ц	Л	Б	Ь	Е	О	Л	Ь	Л	Х	А
К	А	Е	Е	Л	Ж	К	А	Ь	Б	А	Н

Затушуйте 31 клетку (не сильно, чтобы буквы просвечивали) так, чтобы в незатушёванных клетках по горизонтали читались названия деревьев, а в затушёванных — животных...

Если вы правильно сделаете это, то затушёванные клетки составят слово, обозначающее, где растут эти деревья и живут звери.

ЛОГОГРИФ

(Составила Тania Сысоева, Ленинград)

Вы получили мяч. Но станете ли вы автором гола? Это ещё вопрос!..

Впрочем, сейчас зима, играть в футбол вам всё равно не придётся, так попробуйте стать автором «гола», не выходя из-за своего стола — превратите слово «мяч» в «гол», поменяв ряд слов (имен существительных в единственном числе), отличающихся одно от другого только одной буквой. Чем меньше понадобится вам слов, чтобы добраться до «гола», тем лучше вы справитесь с задачей.

М	Я	Ч

Г	О	Л

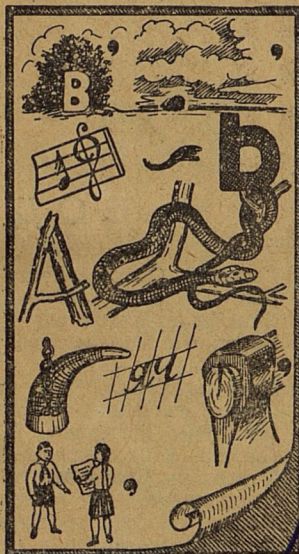
ШАРАДА

(Прислала Тамара Яковлева)

Первое — предлог,
Второе — летний дом,
А целое порой
решается с трудом...

РЕБУС-ПРИБАУТКА

Один из героев книги А. Степанова «Порт-Артур» — артиллерист-порт-артуровец — очень любил эту прибаутку...

291909

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 11)

КРИПТОГРАММА

«Пионер горячо любит свою Советскую Родину, он беззаветно предан великому делу Ленина, делу коммунизма».

КРОССВОРД

1. Ишим. 2. Рига. 3. Амур. 4. Кура. 5. Гана. 6. Рона. 7. Кама. 8. Сена. 9. Мета.

«КОМПАС»

Труд всё побеждает.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАДАЧА

И. С. Тургенев («Весенний вечер», «Безлунная ночь», «На заре», «Ася»), М. Ю. Лермонтов («Тучи», «Вадим»), В. Г. Короленко («Художник Алымов»), А. П. Чехов («Вишнёвый сад», «На реке», «Дом с мезонином», «Сестра»), А. М. Горький («На дне», «Мать»), А. С. Пушкин («Деревня»), И. А. Гончаров («Обрыв»).

СОДЕРЖАНИЕ

Товарищ. Стихотворение Г. Петрова	1
Два настоящих человека. Очерк Л. Видгопа и Я. Сухотина.	3
Наш флаг. Наш герб. Стихи В. Фетисова	10
Баллада о маленьком барабанщике. Стихотворение Л. Пал- лея	12
День рождения. Рассказ Э. Браун	13
Лесная считалка. Стихотворение Л. Куклина	15
Как меня называют. Рассказ Ю. Яковлева	16
Ёлочка. Стихотворение Виталика Антипина	21
Художник Беломлинский у нас в гостях	22
Саламандра. Стихотворение В. Верховского	24
Белик. Рассказ М. Барышева	26
Зима. Стихотворение Володи Ошеровича	37
Мечта Владимира Ошко. Очерк И. Туричина	38
Творчество юных	48
Мексика — Лос-Анжелос. Путевые заметки В. Бараташвили	50
Пёстрые заметки	58
Клуб смекалистых ребят	62

На 1-й странице обложки — рисунок художника В. Меньшикова «Весёлый слалом»

На 2-й и 3-й страницах обложки — фоторассказ «Союз нерушимый...»

На 4-й странице обложки — рисунок художника К. Бекташева «Спортивные ёлочки деда Мороза»

Редактор А. А. БЕЛЯКОВА

Адрес редакции: Ленинград, центр, Фонтанка, 57 (вход с Торгового пер., 1)
Телефон А4-54-90

Сдано в набор 13/XI 1962 г. Подписано к печати 25/XII 1962 г. 4 печ. листа
М-38453 Заказ № 1728. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 75 000.

Типография имени Володарского Лениздата. Ленинград, Фонтанка, 57

Цена 10 коп.

